

И.Мат

*
Хенес#ыг
Адсту

Том 1

Наталья Мар

Железный Аспид. Книга 1: Война

«Наталья Мар»

2018

Мар Н.

Железный Аспид. Книга 1: Война / Н. Мар — «Наталья Мар», 2018

Первая книга дилогии. Разгар войны между звёздными супердержавами. Робот-андроид Эйден спасает дочь кровного врага — умницу Самину — но неожиданно сам попадает в плен. На планете, ставшей тюрьмой для робота, люди презирают и боятся таких, как он. Для них машины — жестоки и бездушны. Пусть даже и так похожи на людей! Слишком похожи... Но пленник обладает бесценными знаниями о медицине, а у его врагов — страшная эпидемия. Самине придётся переступить через предубеждения и страхи, чтобы объединиться с Эйденем в надежде на его помощь. А Эйдену предстоит узнать, так ли он бесчеловечен, как о себе думает. Мир их истории наполнят чудовища и киборги, люди-насекомые, ядовитый лес и пещеры, полные драгоценных минералов. Герои полетят в аномальный мир мудрых растений, поторгуются на космической барахолке и поохотятся на хищного оленя. И яркой линией протянется любовь. Такая, ради которой совершают величайшие глупости и величайшие подвиги.

© Мар Н., 2018

© Наталья Мар, 2018

Содержание

Пролог, в котором герой бинарно сквернословит	5
Глава 1 – в которой ученая степень не приспособлена к реальности	6
Глава 2 – в которой Самине грозят свернуть шею	10
Глава 3 – с отсылкой к андроидам Филипа Дика, но одной сколопендре все-таки повезло	16
Глава 4 – в которой трудно переоценить силу подорожника, а кровь императора – не голубая	21
Глава 5 – в которой торжествует справедливый суд, и злодей получает по заслугам	27
Глава 6 – липкая от паутины	32
Глава 7 – в которой Харген передумал	37
Глава 8 – в которой андроид губит лучших из лучших. И судьбу лучшего друга	44
Глава 9 – в которой мыши задаром съели научный грант, но их всё равно жаль	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пролог, в котором герой бинарно сквернословит

«Закат. Второй за крушение. А я все падаю и падаю и па...».

Толчок: противоударная консоль бьет в затылок. Свист: отрывается и горит в атмосфере кусок обшивки. Штурвал вибрирует, грозит оторвать руки. Но отпускать нельзя.

«1000000110101011...! У них ведь не выйдет собрать меня заново – их биоинженеры только вылезают из пещер. Если отличат мои органы от деталей истребителя, приладят их на изоленту, клей и гвозди. Значит, терять нечего. Рискну. Хотя высший пилотаж – это не про меня. Двенадцать миль до столкновения... Одиннадцать... Я что, на самом деле в последние секунды жизни считаю мили?»

* * *

Эйден пропустил третий закат над Браной и отключил ракетные тормоза. Намертво сцепленные, два корабля ухнули с орбиты вниз, и противник, должно быть, потерял сознание. На связь он больше не выходил. Пф-ф, человек.

Впереди засверкала вода – море, одно на Бране. Наконец-то! Успеть бы найти не слишком крутой песчаный берег и... вот же он: широкая лагуна и никаких скал. Эйден надеялся, что там впереди не общественный пляж. Героическое приземление двух звездолетов на мирных жителей – так себе изюминка к приключению. В любом случае, пора садиться.

Эйден вдохнул поглубже и перевернул корабли вверх тормашками – чтобы упасть поудобней. Ну, все. Сейчас: они скользнут по ослепительной синеве, взбудоражат живописные лагуны и мягко зароятся в песок.

Включил торможение, откинулся в кресле, закрыл глаза.

Глава 1 – в которой ученая степень не приспособлена к реальности

За два часа до падения.

Открытый космос, спорная территория на границе Империи Авир и Звездного Альянса – Гражданский мини-бриг RX-0519, вам нельзя приближаться к огневому рубежу.

Мигающий красными пикселями, экран коммуникатора готов был брызгать слюной, да технологии не позволяли. Самина напрягла всю дурь патриотического накала и закричала в комм:

– Это называется долг перед отечеством, бес-с...хребетный бот! Истребитель прямо за научным спутником, – не уверенная в своем праве оскорблять капрала, она выдохнула, рассудив, что в перепалке с машиной толку чуть. – Я в его слепой зоне. Подберусь ближе, выстрелю и тут же обратно.

Разумеется, андроид был прав, но девушка направила корабль дальше, к исследовательской станции. Туда продвинулась граница спорных территорий, и её научный спутник стал участником бойни. Да еще каким участником – прикрытием для врага.

– Крейсера имперцев более маневренны, их боевой арсенал мощнее, чем на гражданском судне, – назидательно бубнил капрал. – Конкретно этот корабль оснащен особой системой защиты: его уже час не могут достать наши штурмовики. Я буду вынужден сообщить о Вашем безумстве на Брану, леди Зури.

«Отлично. Значит, рвану еще быстрее, пока отчим не утащил за шкуру домой», – девушка решила, что до полдника успеет стать национальным героем.

– Вперед, ябедничай, силиконовый тюлень... – прошипела она и отключила коммуникатор. До спутника лететь было минут пятнадцать, но сообщение в гиперпространство Браны добиралось полчаса, не меньше. Один выстрел – и всё. Честное слово.

У Самины Зури с детства не задались отношения с искусственными людьми, хотя они окружали ее повсюду. Столичную планету Альянса наводнили андроиды, а еще киборги с самыми натуральными мозгами, которые переносили с больных тел в консервные банки всех мастей. Иногда казалось, что людей из плоти и крови на Бране меньше, чем синтетических.

В сфере услуг блистали последние модели андроидов – эти были не чета древним роботам и внешне, и по интеллекту. Они даже научились имитировать эмоции. Прямо как этот душный жлоб на боевой станции. В последние годы новому поколению андроидов нашлось место в бою. Силиконовых людей ведь не жаль терять. Обходились они гораздо дороже живых солдат, но и выбывали из строя не так легко. Конечно, риска и самопожертвования от андроида ждать было глупо. Если официант или горничная проглотили бы гранату ради спасения хозяина, то в боевых андроидах от программы безусловной защиты человека пришлось отказаться – иначе они не смогли бы убивать.

Киборгов собирали куда меньше. Из-за безумной стоимости перемещения мозга в железный доспех у инженеров Альянса накопилось маловато опыта. Бедняги на выходе часто страдали от целого набора психических отклонений. Поэтому киборгов недолюбливали и притесняли, но что такое притеснение рядом с почти вечной жизнью?

В Империи же, по словам разведчиков, биоинженерия и робототехника шагнули на сотни лет вперед. Синтетических людей там выпускали мало, но их киборги не заканчивали жизнь самоубийством, не ели пластмассу. А уж андроиды... Таких андроидов якобы невозможно было отличить от людей, а некоторые даже приравнялись к ним по закону. Имперцы выбрали своим повелителем андроида, когда линия прямых наследников правящей фамилии прервалась.

Самина полагала, что нет безумия страшнее, чем поставить во главе сотни галактик искусственный разум. Более развитый, не совершающий ошибок и просчетов – но допустить повиновение триллионов живых существ машине... В ее голове так и не ужилась абсурдная фантазия, в которой электронный мозг печется о счастье людей. Самина и остальные бранианцы презирали врагов за то, что те передали заботу о себе Железному Аспиду.

Пример несовершенства роботов мелькал перед глазами любой состоятельной фамилии: уборщики, повара, мажордомы. Когда-то и няня Самины была андроидом. Первой моделью нового образца, подаренной отчиму ведущим биоконструктором планеты. Добродушное личико, совершенный электронный мозг и бездарная имитация чувств. А может, в нее вовсе не заложили этой функции. Няня Лия стала второй душевной травмой в жизни падчерицы Харгена Зури. Первой была внезапная смерть матери годом ранее.

Пятилетняя девочка превзошла себя, пытаясь выжать из Лии, как из старого тюбика зубной пасты, хоть сотую долю материнского суррогата. Идеальная няня была заботлива, но не ласкова, предусмотрительна, но не тепла, бесконечно терпелива, но не душевна. Да и не было никакой души в техзадании. Она помогала Самине застегивать школьный комбинезон, брала на прогулку её любимое печенье (а позже гемостатик и антисептик), очищала стены в коридоре от наскальных рисунков. Вполне сносно читала сказки. Но – ни разу не поцеловала, не растрепала макушку, проходя мимо. Не увильнула с дорожки в парке, чтобы вместе набрать камешков.

Девушку до сих пор передегивало от воспоминания об утре шестого дня рождения: «Видите ли, маленькая госпожа, Ваша кошка Дорси попала в мусоровоз сегодня в 5:37. Я взяла на себя смелость отправить то, что удалось выскрести из-под пресса, в крематорий. Желаете разрезать торт?» К тому времени, когда няня подала ей нож, Самина окончательно разочаровалась в искусственном разуме.

Их отношения совсем вышли из строя. Девочка мечтала, чтобы няня хотя бы злилась на нее, поэтому, не найдя отклика безупречному поведению, начала издеваться. Попытки вывести Лию из себя были похожи на противостояние москки – безобидной детской фантазии, и слона – неспособности андроидов обижаться. Няня молча выпускала червей из своей сумки, меланхолично вычесывала клей из волос, отмывала мебель. Гадости обновлялись с завидной частотой и ни разу за два года не повторились. Живого человека эти шалости если не разозлили, то уж рассмешили бы точно. Но Лия и другие антроиды, которым Самина, хихикая, распевала скабрезные частушки, не имели чувства юмора.

Наконец девочка сдалась. Каждый вечер, сидя рядом с Лией, она слушала красивую добрую сказку и чувствовала то же, что получала в ответ – ничего.

* * *

Внезапный удар встряхнул корабль и выдернул из прошлого. Реальность оказалась куда хуже. Имперский пилот заметил приближение Самины и врубил защитное поле. Мини-бриг задрожал. Сам же враг не спешил показываться из укрытия, но партизанская вылазка была раскрыта, и удрать без боя не получалось. Самина разом вспотела и покрылась мурашками. То, что планировалось, как диверсия с эффектом неожиданности, обернулось ловушкой с эффектом глупости. Пальцы непослушно запрыгали по комму:

– Гражданский борт RX-0519 вызывает боевую станцию F-8... Эй, капрал, ты еще там? Сообщение на Брану доставлено? Есть ответ?

В микрофоне затрещало, силовое поле врага искажало сигнал.

– Еще нет, леди Зури. Только через тринадцать минут. Но я рекомендовал им вашу срочную эвакуацию на орбиту планеты.

– О... спасибо, капрал, это то, что нужно, спасибо, спасибо... спасибо.

Девушка нервно рассмеялась: впервые за всю свою жизнь она была так благодарна андриду, что поклялась себе его расцеловать. Если выживет, конечно. И, конечно, не в губы. Но куда деваться еще тринадцать минут? Назад нельзя – если выйдет из силового поля, истребитель заметит и ринется в погоню. Зачем ему выпускать мышку из мышеловки? Ладно. Если не выходит трусливо отступить, значит, придется трусливо атаковать и...

Вот это махина!

Хищник вздумал навестить свою маленькую жертву. Враг не спеша выводил из укрытия крейсер, максимально облегченный до массы двух мини-бригов. Пятьдесят метров черного зла с пушками наготове. Самина не стала дожидаться, пока он завершит маневр, и поступила так, как полагается всякой непредсказуемой женщине – выстрелила. Причем так, как полагается женщине без артиллерийского опыта, но с ученой степенью – зажмурившись. Через секунду она убедилась в нанесении противнику грандиозного ущерба: на матовой обшивке крейсера поблескивала царапина размером с морковку.

Истребитель, не замедлив хода, развернулся, а потом замер. Стрелять в ответ он не торопился, но Самина уже мысленно распрощалась и с жизнью, и с незаконченными исследованиями, и даже с новой кошкой, Дорси-два. Вообще это, наверное, не самый плохой конец – погибнуть на поле боя. «Погибнуть совсем молодой, в нечестной схватке, вызвав только насмешку. И врага, и робота-капрала, и санитаров военно-полевого морга», – фантазия давила слезу, когда внимание Самины привлек хаос на панели управления. Девушка апатично уставилась на индикаторы, как вдруг её осенило.

Огоньки показывали цифры на межгалактической системе исчисления! Кот выделил мышке свободный радиоканал и пригласил на обмен любезностями? Что ж. Самина настроила комм и силилась вспомнить школьный курс имперских диалектов, на одном из которых ей готовились угрожать. Вопреки ожиданиям, динамик молчал, а на экране возник текст на универсальном дипломатическом. Да, ее коммуникатор не умел говорить вслух с кораблями из иных миров... но дипломатический? После того, как она выстрелила первой!

– Гражданский ботик, вы рехнулись? – Бросил экран. – Убирайтесь с линии огня.

Девушка заподозрила, что с ее аннигиляцией повременили.

– Прекратите использовать мою научную станцию как прикрытие!

– Так это ваша космическая теплица? Выпишу ей грант на выращивание специй: за помощь Империи в победе над Альянсом. Теперь исчезните.

– Мой выстрел уже привлек внимание наших перехватчиков... – Самина не успела допечатать.

– Да-да, к вашей таратайке... СПРАВА!

От неожиданности она, конечно, повернула голову влево и не успела вывести корабль из-под удара. Как ошпаренная, юркнула под приборную панель, и внутри брига раздался взрыв. По металлическим частям радиорубки заплясали жгучие голубые искорки, в которых Самина с ужасом признала эффект от выстрела штурмовика Альянса. В нее палили свои же!

А чего она ожидала, глупая, когда на корабле без опознавательных знаков открыла огонь в секторе, где уже целый час вычисляли снайпера?

На трясущихся ногах она приподнялась к иллюминатору, чтобы увидеть пуск второго снаряда. На этот раз попыталась уйти от удара, но штурвал нагрелся и обжег руки. Обшивка брига затрещала по швам, оборудование выходило из строя, каждое вопило на свой лад. Самина бросилась к коммуникатору. Скорее выйти с ними на связь, предупредить, что она своя! От страха девушка не могла вспомнить частоту сегодняшнего боя, хотя с утра капрал сообщал ее всем, кто выходил в космос... Но какое ей тогда было дело до военных переговоров! Где, в самом деле, она и где война? – думалось тогда. И ведь уже не успеет запросить цифры у робота: штурмовик приготовил оружие к третьему удару. Обматывая руки курткой, Самина пыталась удержать красный от жара штурвал, чтобы не погибнуть так бестолково.

Рычаги управления обжигали через плотную ткань, но она стиснула зубы и рванула корабль к станции. Пусть там враг, но сейчас и ей нужно хоть какое-то прикрытие. Слезы в глазах мешали править бригом, и ясно было: она не успевает... твою мать, не успевает!

Одновременно – наперерез третьему снаряду – вылетел имперский крейсер. Он прошел так близко к мини-бригу, что царапнул, качнул его и немного протасил за собой. Разумеется, чудовище едва заметило столкновение, отражая удар настоящего противника. Невозможно было разглядеть, что творилось между боевыми кораблями там, один на один, но через минуту вибрация и тающие без следа обломки ознаменовали кончину штурмовика Альянса.

Куски двигателей и корпуса еще разлетались в молчании космоса, когда на коммуникаторе возникло сообщение:

– Приму благодарность капитуляцией. Вас и вашей погребальной ладьи.

Пальцы саднило от ожогов, и Самина решила отступить, не посылая спасителю проклятий. Бриг запустил двигатели и... дёрнул истребитель за собой! Тот включил торможение, и тандем резко остановился.

– Сцепились, – еле-еле смогла напечатать девушка.

– Правда? Я думал, вы меня в плен берете.

Самина закатила глаза:

– Не смешно, надо расстыковаться!

– Это ваша антенна, – ответил враг, – Зачем она там? Я ее отстрелю и...

Но привести варварский приговор в исполнение не успел: мгновение, и оба их корабля затянуло в кротовину, швыряя на орбиту Браны. Эвакуация состоялась.

* * *

На тандем обрушилась гравитация, преодолеть которую в сцепке было невозможно. Корабли падали. Двигатели, направленные в разные стороны, не могли работать синхронно, чтобы помочь друг другу – ни разогнаться нормально, ни приземлиться.

– Откл, – был приказ, и Самина сдалась на милость врага. Она заглушила свои турбины.

Имперский истребитель запустил торможение. Оно давало шанс – правда, если сесть на воду, которую на Бране днем с огнем не сыскать...

Веселье началось с резких толчков. Самину бросало по кабине, как хомяка в пластиковом шаре, пущенном с горы. После третьего удара виском о штурвал она потеряла сознание и пропустила всё самое интересное.

Глава 2 – в которой Самине грозят свернуть шею

«Скользнут по ослепительной синеве... мягко зароются в песок...» Ну-ну. Тонны водорослей и морской гальки взмыли над водой, как только бриг коснулся лагуны. Взлохмаченный берег стал свидетелем тому, как оптимистичный прогноз Эйдена не сбился. Посадка оказалась не просто жесткой – убийственной. Истребитель почти не пострадал, но бриг раскололся надвое и, ко всему прочему, лежал вверх тормашками, весь покрытый тиной. Вряд ли в нем остался кто-то живой. Эйдена царпнула досада: он использовал станцию этих ученых для прикрытия, измучил их хрупкий корабль, чтобы спастись, а теперь те доверились врагу и погибли. Но война – не то место, где ищут справедливость или логику.

Пилот оторвал расфокусированный взгляд от иллюминатора и выбрался из кресла управления. Точнее, с минуту выскребал себя оттуда: в момент крушения штурвал с хрустом врезался в тело. Левая рука не слушалась, а справа прорвали лётную куртку и поблескивали хромом два ребра. Сквозь шум и пелену Эйден добрался до клинкетa и набрал код разгерметизации: настало время адаптировать тело к новой планете.

Брана... Спрятанная в гиперпространстве столица Альянса, недостижимый противник Империи. Голубая мечта её истребителей, святой Грааль для всего имперского флота. Эйден риз Эммерхейс – первый и единственный живой враг, ступивший на загадочную планету, – опирался здоровым плечом о борт своего корабля и пытался не умереть.

То ли из-за жестокого приземления, то ли из-за ужасной экологии Браны адаптация к ее атмосфере, силе тяжести и геомагнитным полям ощущалась, как тур в преисподнюю. Слишком горячий, сухой воздух обжигал легкие, чужеродные примеси не давали вдохнуть и дурманили разум, радиация фонила так, что кожа не успевала ее нейтрализовать, от бурной магнитосферы лопались сосуды. Гравитация, впрочем, порадовала: здесь она была чуть меньше привычной и вызывала лишь тошноту, головокружение и слабость.

Прошел час прежде, чем Эйден почувствовал себя аборигеном и открыл глаза. Он подошел к разлому на бриге и положил в него левую руку. Прижал куском болтающейся обшивки, выдохнул и резко дернул. У-у-у... плечо встало как надо, мир опять запустил карусель, а небоскребами брани можно было ворочать континенты! А ведь еще два ребра просились наружу, и мужчина решил оторвать их лежа, чтобы не провоцировать новую свистопляску ощущений. Эйден медленно расстегнул куртку и китель.

Через несколько минут, когда дрожащими пальцами он застегивал их, а два сломанных у основания серебристых ребра небрежно валялись рядом, подумал:

«Хорошо.

Что.

Я.

Не.

Человек...

Сдох бы уже раза три за последний час...»

Надо было решать, что делать дальше. И чем скорее, тем лучше, потому что радары Альянса должны были зафиксировать примерное место аварии и выслать поисковую группу. Преимущественно из военных, так что малоприятное выйдет знакомство. Сигнал имперскому флоту, если пустить его с истребителя, не преодолеет гиперпространство. Свои его не услышат. Для общения и выхода в открытый космос на Бране использовали кротовины, а ими управляли wormholes – космопорты туннелей-червоточин. Значит, нужно попытаться найти один из них. И оттуда... в лучшем случае послать сигнал и открыть туннель пошире, а в худшем – бежать самому, забыть о тотальной победе над Альянсом и продолжить борьбу за сектор.

Координаты вормхолла легче всего было извлечь из разбитого брига. Забраться внутрь сквозь разлом не составило труда, и через минуту Эйден ступил на темный, прохладный борт научного корабля. На мостике, совмещенном с радиорубкой, лежал одинокий пилот. Лежала... Девушка. Высокая, но хрупкая, с полупрозрачной в скудном луче иллюминатора кожей. Темно-вишневые волосы и черные брови с изломом оттеняли бледность тонких черт. Но разгром вокруг напоминал пошлый триллер, где не скупилась на бутафорию. В крови были: пилот, штурвал, коммуникатор, все рычаги и сенсоры. Эйден взглянул на панель управления в поисках аварийного электроузла, чтобы запустить бортовой компьютер, и опять повернулся к девушке. Он еще не встречал таких противников, в которых утонченность так не сочеталась с войной в принципе. Она даже не походила на ученого. Больше – на фею, каким-то чудом упорхнувшую с цветочной поляны в космос. Через плотный комбинезон не угадывалось дыхания, но тепловизор в его глазах не ошибался: девушка была жива, так как с момента крушения прошел час, а температура раненого тела все повышалась. Мужчина вздохнул и прислонился больной головой к оплавленной переборке, глядя на фею без иллюзий. Жар и несовместимые с жизнью травмы. Вот и все. Эта смерть – вопрос каких-то минут, в лучшем случае, часа. Разумнее всего оставить ее и заняться компьютером.

Эйден смахнул осколки с исцарапанных сенсоров и пробежался кончиками пальцев по консоли. Всего через пару секунд его мозг вычислил нужную комбинацию для запуска резервного генератора. Бортовой компьютер, поскрипев для вида, приветствовал нового хозяина. Оставалось ввести запрос на поиск вормхолла, и Эйден уже занес руки над струнами, как вдруг остановился. Дернул плечами, провел ладонями по лицу и прошептал: «Жвала жорвела!» Медленно опустил голову на блок сенсоров... и еще раз... и еще... «Черт, так нельзя», – прошипел он сквозь зубы, встал и направился к раненой.

Ну, привет, мясо на полу. Если сейчас заняться ею, умрет необходимый, как воздух, компьютер. А если заняться картами, умрет просто еще один человек. Капля в море. Ведь сколько уже погибло, да скольких убил сам за пятьсот лет. Сейчас перед ним цель куда разумнее, и уж кому, если не ему, поступать согласно разуму.

Всё испортил запасной аккумулятор. Портативная батарейка жгла за пазухой, просилась наружу и расшатывала логику. Почему она не могла разбиться, чтобы облегчить выбор? Андроид вытащил аккумулятор и рискнул приспособить его к бортовой системе корабля. Датчик показал, что компьютер согласился прожить еще полчаса. Хватит ли?

Пропустив руки под окровавленное бледное тело, риз Эммерхейс легко поднял Самину и вынес из корабля.

* * *

Агония перетекала в смерть, и Самина вдруг пришла в себя. Так бывает. Ее захватили боль и ужас: она не могла дышать, сердце кольнуло и остановилось. Еще миг – и вновь сознание уплывало из обитаемой части вселенной. Было... никак. И все же лучше, чем при жизни: не больно, не холодно, не страшно. Впереди маячил серый лабиринт туннелей без намека на свет в конце. Слышались голоса за спиной, из полупрозрачных стен появлялись и снова исчезали смутно знакомые люди. Мама. Мама! Такая, какой она запомнилась ей в детстве – тонкая, грустная, бледная. Ее стройная фигура в ярко-зеленом платье скользила по коридору. Не замечая ничего вокруг, она скрылась за углом. Душа Самины поспешила к повороту, но там её ослепил безудержно яркий свет, в котором изумрудное платье женщины на мгновение превратилось в пару точно такого же цвета глаз, а невидимые руки потащили девушку в ад. Так ей показалось, потому что кто-то – наверное, черти – швырнули беднягу обратно во тьму полубессознательного, где к ней опять просочились холод и боль. Нет, не так. БОЛЬ.

Жизнь развернулась на полпути и с новой силой ворвалась в тело. Неблагодарное, оно в ответ жестоко ударило. Самину мучила резь в голове и груди, с каждым вдохом в легких пузырилась кровь, не хватало сил ни пошевелиться, ни открыть глаза, ни прийти в себя. Это была пытка на грани сознания. Будто кошмарный сон, в котором вдруг чувствуешь настоящую боль, но отчего-то не можешь проснуться. Странно, но в своем аду Самина ощущала чье-то незримое воздействие. Когда она решила, что готова умереть и вернуться в серые туннели, но только не продолжать эту пытку жизнью, её виска коснулось дыхание и напряженный голос пригрозил: «Функционируй, ну... Дыши, а не то шею сверну». И, о черт, надо же – дышать действительно стало легче. Чьи-то руки убрали волосы с раны на виске, аккуратно придерживали голову и подкладывали под нее что-то мягкое. От уверенных и деликатных прикосновений цветы боли на ее теле пусть не скоро, но увядали. А еще, где-то на горизонте событий, ей чудилось вибрирующее в горячем воздухе урчание. Когда опасность миновала, ее сознание отпустили и позволили ненадолго уснуть.

Когда Самина пришла в себя, то решила, что разбилась и погибла смертью храбрых. Ибо на нее смотрел властелин преисподней, в крайнем случае – его заместитель. Оглядев его внимательнее, девушка сообразила, что вряд ли кто-то из пантеона древних богов надел бы форму имперского флота. А дьявол ни в одной культуре не носит военную стрижку и декоративные шрамы над левым ухом. Эти суровые знаки отличия могли принадлежать только пилоту того-самого-истребителя, и мир покачнулся. Она притащила в свой мир врага. Он жив, здоров и, судя по всему, намерен изошренно её пытать, а потом с особым смаком прикончить.

– Мне нужны координаты ближайшего vormholла, – спокойный взгляд неестественно зеленых глаз резал без ножа.

«Если выживу, больше не буду препарировать млекопитающих», – поклялась лабораторная мышь и сжалась на песке.

– Я знаю, это довольно неприятно, – продолжил он мягко, – помогать врагу. Но спинной мозг, обмотавший горло, ещё неприятнее.

– Я... – Самина засипела и откашлялась, – понятия не имею, где мы и в какой стороне его теперь искать.

Мужчина покачал головой и подошел ближе. «Господи боже, это жабры? Настоящие жабры у него на шее. Значит, родом с Ибриона...» – она догадалась, что попала в лапы какой-то столичной шишки. Враг же изогнул бровь, ничем кроме этого не нарушая маску безразличия. А затем сделал то, о чем Самина была начитана, и все же оказалась совсем не готова увидеть наяву: выбросил изо рта длинную ленту змеиного языка. С едва слышным шипением тонкий раздвоенный кончик рассек воздух и ловко нырнул обратно. Так ибрионцы оценивали окружающую среду и других людей.

– Ты врешь, Самина Зури, – отчеканил враг, довольный итогом анализа. – Оглянись вокруг, растормоши свой топографический кретинизм и назови координаты vormholла.

У девушки зашевелились волосы. Пересохло во рту. Он знает ее имя, а значит, влез в бортовой компьютер брига и пойдя разбери, какими еще сведениями располагает теперь. А главное – вот это было по-настоящему страшно – расхаживает по чужой планете без скафандра и говорит на их языке абсолютно без акцента. Навыками такой поразительной адаптации обладали только андроиды с мощными ДНК-компьютерами. Но, помилуйте, если глаза и уши не обманывали Самину, незнакомец был похож на человека даже больше, чем она сама! Или это и есть свидетельство высочайших достижений Империи в робототехнике? По крайней мере, на стороне версии об анроиде играла убийственная невозмутимость. Пилот должен был находиться по меньшей мере в шоке после крушения, но все, что Самина знала о стрессе, разбивалось о безразличный взгляд, спокойный голос и небрежную грацию.

– У меня нет микрочипов с терабайтами памяти в голове, – напрашивалось добавить «в отличие от тебя», но дерзить боевому роботу было, пожалуй, слишком. – Если ты не обнаружил

координаты в компьютере, взлетай и сам ищи вормхолл. Я вижу, твой корабль не пострадал, так что...

– Так что ты надеешься, что пока я порхаю над Браной, меня, наконец, собьют. Так, ладно... – вздохнул мужчина, на секунду прикрыл глаза и лениво бросил: – Никуда не уходи, я за набором для пыток.

Самина настолько привыкла к прямолинейности андроидов, что вообразила по иголке под каждым своим ногтем. Рук и ног заодно. Несмотря на тупую боль в колене, она рванула ползком, куда глаза глядят, активируя на ходу браслет-коммуникатор. Надо было дать сигнал поисковому отряду. Срочно.

– Эй, лежать! – Рывкнул за спиной голос, в котором, наконец, появились человеческие нотки. Мужчина ловко сцапал её за лодыжку и одной рукой подтянул к себе. Отобрал браслет и швырнул в набежавшую волну.

– При закрытом переломе показана жесткая фиксация конечности, – каким-то искрящимся проводом андроид прикрутил ногу Самины к корпусу брига.

Пока он возился с кабелем, девушка выцарапала из потайного кармана самое что ни на есть научное оружие – шприц-пистолет. Не колеблясь, привычным движением приложила его к шее робота и нажала на спусковой крючок. Вот так, мы тоже не лыком шиты. Если нейросети андроида так близки к человеческим, как подсказывала интуиция, у него не будет времени для нейтрализации яда: тот убивает за считанные секунды.

– Хорошая попытка, – андроид лениво отмахнулся от шприца, – на меня не действуют...

Он вдруг осекся и замер. И тут же, броском гадюки, схватил девушку за руки, отбрасывая шприц, и толкнул наземь.

– Что ты мне вколола? – Рычал он, удерживая запястья Самины и погружая их всей своей массой в песок, колющий от мелких раковин. Его глаза были так близко, что выдали причину внезапной злости: правильные многоугольники зрачков расплзались, поглощая своей чернотой зеленые радужки. Яд начал действовать. Но почему так медленно?

– Экстракт ромашки лекарственной.

– Лекарственной. Для эвтаназии? – возмутился робот и асинхронно моргнул.

– Почти угадал, – цепенящий страх отступил: мышцы врага ощутимо подрагивали, значит, убить он ее уже не успеет. – Для публичной казни! Жаль, видеодронов здесь нет.

Андроид больно пережал ей запястья и с размаху еще глубже впечатал их в песок. Нависая над ней всего в каких-то сантиметрах, он продолжал касаться ее только руками, но давил целой тонной бешенства. Это было похоже на попытку вернуть самообладание, хоть Самина и знала, что роботы не испытывают на самом деле того, что имитируют. Пусть даже и настолько талантливо.

– Я проявлял до сих пор необдуманное милосердие к ученой букашке, – прошипел он ей в лицо, из последних сил пытаясь дышать ровно, – Почему я еще борюсь с желанием утопить тебя?..

Он чуть протащил ее за руки вперед, и шумная волна билась в ее волосах, когда он продолжал:

– ...с желанием ощутить, как ты завидуешь ибрионским жабрам? Увидеть, как через минуту ты отдала бы все, чтобы стать таким, как я?

Он знал, куда бить. Пожелать стать похожим на это чудовище? Боже упаси.

– Я назову тебе две причины, почему! Во-первых, мой корабль спас тебе жизнь. А во-вторых, ты уже почти труп.

Захват теряющего сознание андроида ослаб настолько, что девушка смогла вывернуться из-под него.

– Вообще-то это мой корабль спас тебе жизнь... да и «труп» слишком громко сказано... – еле слышно возразил он и, отшатнувшись от Самины, привалился к бригу, подальше от нее.

Мало ли. Второй ампулы с ромашкой-мутантом он и впрямь может не пережить. Третьи веки поплыли из-под внешних, чтобы закрыть радужки.

Что ж, выбор невелик: если ему в ближайшее время не суждено покинуть гиперпространство, придется воевать изнутри.

– Таких проблем вы еще не огребали, – мрачно констатировал мужчина и отключился.

* * *

Когда прошло достаточно много времени и Самина поверила, что враг без сознания, она задумалась о его последних словах. Андроиды не дают пустых обещаний, но какие проблемы он имел в виду? Вернее, какие такие проблемы могут потрясти Альянс, кроме существующих? У них ведь, куда ни кинь, война снаружи да бунты внутри, что может быть хуже... А если он имел в виду столицу, то с каждым годом планета все сильнее восставала против человека, и вряд ли угрозы имперского пилота могли поравняться с последними катаклизмами. И все же крайне любопытно было, что за самоуверенная шишка закончит свои дни на Бране от укола ромашки лекарственной.

Пока спасательный отряд прочесывает окрестности в поисках точного места крушения, у нее есть время подобраться к андроиду. После того, как тело попадет к государственным биоинженерам, те разберут его органы на винтики, распутают мозг на синтетические нейроны – и все равно ничего не поймут. А Самине уже не будет доступа в их секретные лаборатории для исследования уникального экземпляра.

Тугой узел на кабеле, стянувшем ногу, не поддавался изнеженным пальцам биолога. Зато воздействие тех двух выстрелов штурмовика настолько попортило обшивку брига, что девушка смогла оторвать крюк, к которому была привязана нога. Да еще вместе с небольшим куском фюзеляжа, что тащился за ней, пока она ковыляла к андроиду.

Тот вроде был мертв. А может, без сознания или в глубоком спящем режиме, Самина не знала точно. Приподняв его веки (а затем – еще одну пару, черных), она сделала вывод, что недостаточно знакома с физиологией имперских роботов, чтобы ставить диагноз по раз, два... тринадцатигугольной диафрагме зрачков. Возле небольшой прорехи на лётной куртке серебрились брызги редкого аналога крови. «Надо бы взять образец» – облизнулся в ней ученый. Самина переключила шприц-пистолет на режим забора крови.

Вблизи андроид одновременно восхищал и вводил в заблуждение. На первый, второй и даже третий взгляд перед ней лежал типичный имперский аристократ. Лет тридцати, или нет, старше. Условно! Потому как могло быть и сто тридцать – эти сверхцивилизации, кто их разберет. Правильные черты, кожа и темные волосы точь-в-точь как живые. Внешние отличия ибрионцев от жителей Браны были незначительны, и все же впечатляющи. Самина даже сказала бы, зловещи. Три пары тонких серебристых жабр и этот змеиный язык, неожиданные мелькания которого с непривычки пугали, но завораживали. Подобных ему она видела на плакатах с пропагандой борьбы против имперских захватчиков. Там за портретами неизменно следовал перечень военных преступлений: уничтожение мирного населения, истязание пленных, эксперименты над заложниками... Робота в мужчине выдавало необычное устройство глаз, и то – если как следует присмотреться. Да отсутствие малейших изъянов, вроде родинок, воспалений или царапин, без которых не обходится ни один человек. На его фигуру костюмы можно было покупать без примерки, и Самина в очередной раз убедилась, что идеального мужчину, к сожалению, можно только синтезировать.

В первую очередь следовало выяснить точное звание и, если повезет, имя офицера. На офицера, указывало то, что он сам управлял истребителем. В общих чертах Самина уже разбиралась в некоторых правилах Империи: война с нею за разные секторы длилась с перерывами не одну сотню лет. Символы на рукавах форменной лётной куртки указывали на принад-

лежность к флоту Ибриона – в частности, к элитному подразделению императора. Вот это да, парень не просто из столицы, а из личной армии Железного Аспида. Другие опознавательные знаки располагались на кителе, и девушка принялась возиться с застёжками. Согласно уставу, младшие и средние военные чины цепляли к воротнику отшлифованные пластинки из металлов разного достоинства. Оставалось только гадать, каким образом бедняги от старшины до лейтенанта разбирались, кто есть кто, ведь добрая половина металлов – давайте по-честному – примерно одного цвета. Офицеров старшего и высшего звеньев отличали полудрагоценные и драгоценные камни. Уж эту классификацию Самина, даром что синий чулок, знала наизусть. У лейтенант-коммандера на воротнике сверкал аметист, у капитана – аквамарин или топаз поразительной чистоты. А редкие адмиралы блистали не менее редкими изумрудами и рубинами.

Добираясь до кителя, Самина рассчитывала увидеть там что-то вроде агата. Или даже кварц. В самом деле, не могли же робота произвести в адмиралы. Но то, что обнаружилось на воротнике-стойке андроида, не укладывалось в рамки самой дерзкой фантазии. «Да уж, не адмирал...» – думала Самина, не в силах оторвать взгляд от алмаза полной бриллиантовой огранки. Зато мигом отпал вопрос об имени, ведь этим камнем бранианцев пугали с детства. Перед нею лежал обладатель единственного «алмазного» кителя – Его Императорское Величество Эйден I риз Эммерхейс. Тиран, диктатор и деспот.

Самина убрала подальше дрожащие руки от монаршей особы. Разумеется, она уже передумала брать его кровь и образцы тканей. Страшно было вообще прикоснуться к шедевру, за который, по слухам, любой имперец глотку перегрызет. Она привалилась к корпусу брига рядом с андроидом, спрятала лицо в ладони и мечтала, чтобы он не вздумал умереть до того, как придет помощь. Если Ибрион узнает о гибели императора, он бросит весь свой флот на уничтожение Альянса. Превосходство сил противника не признавалось официально, но было секретом полишинеля. В битвах за небольшие секторы – таких, как последний конфликт, – принимали участие несколько имперских флотилий специального назначения, но если те пойдут в настоящее карательное наступление, от их мира останется только Брана. Да и та погибнет без поддержки союза планет в считанные месяцы.

«Ты был прав. Огресли мы, пожалуй...» – Готовясь к худшему, Самина приложила холодеющий палец к шее императора. Пульса нет.

«Паниковать? Да ведь и артерии нет, идиотка! Дышит-то хоть через нос?..»

Ее ладонь слабо лизнул теплый воздух.

Пока жив.

Глава 3 – с отсылкой к андроидам Филипа Дика, но одной сколопендре все-таки повезло

Ибрион.

Год 1488 от основания Империи Авир.

За 512 лет до основных событий.

Герцог риз Авир бодро пересек лабораторию и заглянул в инкубатор. Джур был чересчур подвижным мужчиной приятной наружности и непреходящего добродушия.

– Да это же произведение искусства, Гервин, дружище! – Младший брат императора, к тому же, отличался экспрессивностью. Но сегодня профессор был с ним солидарен.

– Нам ведь еще столько тестов предстоит... – скромно замялся он. – Мы провели только одно бета-пробуждение и снова погрузили его в сон.

Джур отмахнулся и принялся изучать результаты первого испытания андроида.

– Супра... супрамолекулярный нековалентный органический полимер... – вслух зачитывал герцог. – Наночастицы вольфрама... Самозаживляющийся! А для меня ты когда такую кожу сделаешь?

– Когда Император выделит на тебя столько же денег, сколько на него, – усмехнулся приятель. – Но содрать твою старую шкуру могу хоть сейчас и совершенно бесплатно!

Наконец риз Авир довольно покачал головой и свернул папку с отчетами.

– Сразу видна разница. Этот ни в какое сравнение не идет с предыдущими версиями. Сколько их было, помнишь? Все какие-то...

– Нового типа, экспериментального, мы произвели до этого ровно пятьдесят. Но ты зря его так нахваливаешь – в пятьдесят первом ничего особенного нет, мы лишь поработали над ошибками. Да жена моя проектировала внешность: говорит, у меня выходят одни голово-резы...

– Вот именно! А здесь – смотри – ты будто знатного лорда закрыл в инкубаторе, так и хочется его выпустить и принести глубочайшие извинения! – рассмеялся герцог. – А работа над ошибками – пожалуй, именно то, что и было нужно, после третьего десятка неудач.

Гервин устало потер глаза. Они с кронпринцем были ровесниками, но из-за сурового характера профессор всегда чувствовал себя многим старше.

– М-да... Мы, наконец, поняли, что вам было нужно.

– Не «вам», дружище, а нам всем. Как ты не поймешь! – нахмурился и поправил Джур. – Времена андроидов-слуг и компаньонов прошли, теперь от ваших лабораторий зависят жизни следующих поколений Империи.

– И ты считаешь, мы готовы к такому? – Профессор опустился в кресло и подпер висок рукой. – Думаешь, если давать андроидам больше свободы в делах и мыслях, они станут нам опорой, а не устроят апокалипсис?

– Империя расширяется и усложняется, Гервин. Обычный человек уже не в состоянии поддерживать достойный уровень жизни всех галактик. Неправильно подводить разные миры под одну гребенку: ведь мы делаем это лишь оттого, что так проще... Надо помогать народам развиваться и при этом сохранять свою идентичность, свое индивидуальное счастье. А для этого необходимо охватывать и мгновенно решать слишком много проблем, оперировать слишком многими знаниями невероятно быстро. – герцог оседлал любимого конька – ораторское искусство. – И с нашими достижениями в биоинженерии и робототехнике уже не дело выпускать синтетических горничных и машинистов. Настало время пристраивать таланты к делу.

В запале он нарезал круги по лаборатории и размахивал папкой.

– Мы не просим впускать анархию в их мозги, нет! Но позвольте им выходить за рамки стандартных программ. Их мозг куда совершеннее нашего! Так пусть сами пишут для себя биоскрипты или как это называется... Что я хочу сказать: до тех пор, пока мы не позволим андроидам развиваться самим, мы не получим от этой индустрии ничего полезного, ничего по-настоящему уникального!

– После полсотни таких версий я уже не верю в развитие здоровой личности у машины. С открытой операционной системой они просто срываются с цепи! Помнишь, сколько раз приходилось вызывать охрану? Я уже давно работаю без прежнего энтузиазма...

– А я вижу, что как раз это и приносит, наконец, плоды, – отрезал герцог и перешел к делу. – Когда начнутся основные испытания нашего чуда?

Гервин встрепенулся и развернул журнал.

– Так... На завтра я запланировал окончательное пробуждение, осмотр и предварительный опрос, а первый тест – послезавтра в одиннадцать.

– Я зайду посмотреть. В последние годы это уже превращается в хобби.

– М-м, пожалуйста... – рассеянно согласился профессор и проводил старого приятеля к выходу. – Но ты не обнадеживайся, вряд ли мы увидим что-то новое.

Через два дня ровно в одиннадцать герцог сидел в лаборатории, через зеркальное стекло наблюдая за первым тестом андроида. В небольшом помещении находились пятеро – Гервин Эммерхейс, его испытуемый и три огромные, ярко-красные многоножки в террариуме. Если бы не пластиковая неподвижность в позе робота, могло показаться, что за столом два обычных ибрионца – лет сорока пяти (весьма строгий) и почти вдвое младший (совсем никакой). Живы были только глаза андроида, но взгляд, которым он сканировал Гервина, оставался мертвым. Всё шло, как обычно. Как и пятьдесят раз до этого.

– Доброе утро, профессор Эммерхейс, – поздоровался испытуемый.

Ученый вздрогнул. Он всегда первым начинал разговор, ведь на вторые сутки после активации роботы еще были слегка заторможены.

– Доброе... Эйден. Сегодня у нас первый и самый важный тест. Сейчас я озвучу его условия. Ты готов?

– Я готов, – был нейтральный ответ.

– Итак, Эйден. – начал профессор, берясь за планшет, хотя легенду первого испытания он давно знал наизусть, – Год назад ибрионцы колонизировали Фарадум – планету, наводненную хищными членистоногими. Самыми агрессивными из них оказались вот эти многоножки. – андроид, не поворачивая головы, бросил взгляд на террариум, где те деловито шуршали, – Главное их оружие – небывалая скорость передвижения. Гораздо большая, чем у среднего человека. Таким образом, при встрече с красной сколопендрой еще никому не посчастливилось уйти живым. Но так как мы не можем подвергнуть многоножек... хм, геноциду, нам хотелось бы заменить их искусственно выведенными – с меньшим числом ног. Тогда они побегут медленнее, и человеку перестанет грозить опасность.

Гервин перевел дух и обнаружил, что отчего-то занервничал. Он встал из-за стола и продолжил, расхаживая по кабинету:

– Кроме того, чтобы не лишать сколопендру возможности и дальше успешно охотиться, мы бы хотели ограничить их скорость тремя метрами в секунду. Но, к сожалению, мы пока не располагаем данными, сколько конечностей нужно оставить многоножке. В лаборатории Фарадума выяснили, что ее скорость непропорциональна числу ног, так как на разных сегментах тела они разной длины и толщины. У тебя есть тридцать минут для того, чтобы выяснить, на скольких лапках и на каких именно сегментах тела сколопендра побегит с нужной скоростью. – Профессор Эммерхейс указал на подопытных. – Вот тут многоножки... заметь, всего три: это условие теста. Вот тут резервуар для оторванных конечностей, а вон там – можешь выпускать их, чтобы измерять скорость. Удачи. Я вернусь через... 29 минут и 59 секунд.

С этими словами профессор покинул кабинет и вскоре присоединился к Джуру.

– Со стороны – будто не ты его, а он тебя исследует, – проворчал герцог, – какого черта ты так разнервничался, дружище?

– Он первым пошел на контакт, и это на вторые сутки, понимаешь? Опять какой-нибудь псих, вот увидишь... Да еще ты со своими дифирамбами в его честь! Настроил меня, что этот какой-то особенный.

– Расслабься, – приятель указал на стекло, – видишь, первая сколопендра закончила так же, как и полторы сотни до нее.

Действительно, многоножка уже корчилась в ящике для отходов, а испытуемый осторожно доставал следующую жертву.

– Сейчас он ошибется еще раз, обнаружит квантовый блок в левом полушарии, и третья сколопендра побежит, как надо... – бормотал герцог, начиная скучать. – Да, а отчего это он носит имя твоего деда?

– Ну... раз уж все считают его моим детищем, я подумал, что стоит назвать его в честь какого-нибудь родственника. Не смейся. Для синтеза его нервной системы и кожных покровов использовались цепи моего ДНК, пусть даже исправленные, на основе искусственных органических соединений. Он даже сможет передать эти гены по наследству, если... когда-нибудь заморочится. А если серьезно, мне давно осточертели эти NDR-1, NDR-2, NDR-3...

– Так значит, Эйден Эммерхейс. Забавно, но мне нравится. Смотри-ка, у него, кажется, проблемы!

– Что? – встрепнулся Гервин и подскочил к стеклу.

Вторая сколопендра лениво ковыляла по столу, а третья, которую андроид, должно быть, выбрал для проверки решения, вела себя агрессивнее прочих – шипела и метила ядом в глаза. Наконец Эйден ухватил ее за шейный сегмент и оторвал одну лапку. Шипастый хвост извернулся и со всего маху впился в запястье робота. Тот отдернул ужаленную руку, не выпуская из другой жертву.

– Ничего страшного, его организм быстро нейтрализует яд, – небрежно заметил профессор. – Чтобы отравить моего андроида, сколопендре потребовался бы не миллилитр, а целое ведро.

Тем не менее, время шло, а Эйден медлил с ампутациями. Он поворачивал насекомое в руках, касался ее лап и мохнатого тела, изучая, но больше не отрывал ног. Змеиный язык андроида шипел в пространстве между ним и сколопендрой. Боясь, что робот завалит первый же тест, Гервин схватил планшет и направился к нему.

– Эйден, у тебя все нормально? Почему ты остановился?

– Потому что сколопендры, очевидно, против. Я не стану мучить их ради гипотетического эксперимента.

– С чего ты взял, что эксперимент гипотетический? – опешил Эммерхейс, внутренне холодея. – Ведь я говорил тебе: речь идет о жизни людей!

Профессор нащупал в кармане пульт вызова охраны. Робот ему и прежде не слишком нравился, а теперь и вовсе настораживал. Браковать. Браковать, пока не поздно.

– При всем уважении, профессор Эммерхейс, позвольте заметить, что никто в здравом уме не стал бы доверять жизнь переселенцев андроиду двух суток отроду, – Эйден осторожно пустил многоножку в террариум и откинулся в кресле. – Более того, Вы упомянули, что вам безразлична судьба этих животных, и при этом отчего-то собираетесь более, чем вдвое, сократить их возможности добывать пищу. Любой эколог скажет, что это и есть геноцид, ведь очень скоро ослабленный вид исчезнет. Вымрет, не успев приспособиться.

Гервин не знал, смеяться ли над тем, как его уделал андроид, или плакать, ибо эксперимент катился в тартарары. Очевидно, робот использовал квантовую часть мозга не для одного только пересчета ног. Ученый почувствовал, что начинает выходить из себя.

– Похвально, Эйден, что ты оказался настолько проницателен. Но ты здесь не для того, чтобы строить из себя гуманиста, так что можешь не беспокоиться о морали. Я поставил тебе задачу, и если ты не пройдешь этот тест, я буду вынужден признать тебя непригодным, а это значит...

– Не волнуйтесь, профессор Эммерхейс, – уголки синтетических губ тронула дежурная улыбка. – Я помню о поставленной цели, но счел возможным взять на себя смелость найти более гуманный способ ее достижения, коль скоро многоножки никому не причинили вреда.

Гервин молча сглотнул. Ему показалось, что испытуемый выдерживает театральную паузу, но Эйден вновь подал голос:

– Насколько я знаю, у меня осталось еще пять минут на решение задачи о сколопендрах, и, если позволите мне воспользоваться Вашим планшетом, я наглядно изображу свои теоретические расчеты, исходя из наблюдений за третьим животным. Уверяю, они будут сделаны максимально точно и вовремя.

– Договорились, Эйден, у тебя пять минут.

Вконец растерянный, профессор отдал андроиду планшет и ретировался. А в комнате для наблюдений герцог хохотал в голос.

– Ну, он дает! Уел тебя, как студента, Эмми. Да еще с таким сложносочиненным апломбом, точно магистр изящных искусств, – сказал он, отсмеявшись, – Кстати, где он вообще откопал всю эту экологическую ерунду? Раньше ты не загружал в их мозги всякий хлам.

– Последним десяти я вообще ничего сам не загружаю, в том и суть их открытой нервной системы. Начиная с момента, когда его мозг уже был готов, и до того, как была завершена работа над телом, Эйден оставался подключенным к сети библиотек Империи. Оттуда он сам загружал в себя информацию – ту и в том объеме, что по каким-то причинам счел необходимым. Сам же ее классифицировал, обрабатывал и делал выводы. – профессор тяжело вздохнул, – И на основе всей этой... вакханалии, что творилась у него в голове, он теперь принимает решения. Вот, полюбуйся: это то, о чем ты мечтал так долго – андроид со свободой воли. Чего теперь от него ожидать? Да еще если позволить ему общаться с тобой.

– А что я?

– Ты жизнелюб и с тем отвратительно влияешь на людей.

Джур толкнул Гервина в плечо.

– Ты устал, старина. Годы напряженной работы, столько неудач... И теперь просто-напросто не можешь принять очевидное: этот Эйден далеко пойдет. – герцог посмотрел на часы и ободряюще улыбнулся. – Пора. Я гляжу, ты уже боишься заходить к нему один. Составлю тебе компанию. Мне страшно интересно, чем же закончится эта история со сколопендрами!

В кабинете оба склонились над планшетом и разглядывали схемы, выполненные безукоризненным почерком Эйдена. Не осталось сомнений, что андроид успешно прошел тест: задача с многоножками была решена. Впервые без лишних жертвоприношений науке.

– Скажи, Эйден, – обратился к нему Джур, – откуда в тебе эта тяга к справедливости? Зачем такие сложности, если в тебе не заложена программа подчинения древним законам робототехники?

– Вы правильно заметили, Ваше Высочество, я могу причинять вред живым существам и даже убивать, если захочу.

– Поправлю: если возникнет необходимость.

– Если захочу. Я выразился корректно, милорд. Я знаю, сколько ресурсов ушло на то, чтобы сделать меня всемерно полезным человеку, но не ставлю целью соответствовать представлению людей о том, что правильно. Идеям добра и зла слишком уж часто свойственно переворачиваться с ног на голову.

– Тогда каковы твои собственные представления о правильном, Эйден?

– Мне еще рано судить об этом. Мой анализ собственной психологии только начинается.

– Как ты оцениваешь роль квантового компьютера в принятии решений?

– Никак. Служебно. Для квантового мозга не существует «да» или «нет», только суперпозиция. Только «данет». Его роль в другом: в обработке информации быстрее обычного, в широчайшем охвате ситуации. Решения на основе анализа этих данных принимаю я.

– Что значит «я»? В твоей конструкции не предусмотрено такой детали.

– А в Вашей?

Джур моргнул и улыбнулся, а профессор Эммерхейс, наконец, позволил себе расслабиться.

– Эйден, – обратился к роботу Гервин, – я с уверенностью констатирую, что ты обладаешь самосознанием. Ты не отождествляешь себя с суммой частей, из которых состоишь. А это, несомненно, первый шаг к развитию личности. Но мне бы очень хотелось, – добавил он, подавшись вперед, – чтобы, в конце концов, это была здоровая личность нормального человека.

Робот перевел взгляд с профессора на герцога и обратно.

– Профессор... В Империи семьсот триллионов сто пятьдесят миллиардов четыреста восемь миллионов шестьдесят шесть тысяч триста девять нормальных людей, создавать которых гораздо проще и дешевле, чем андроидов. Какой смысл в семьсот триллионов сто пятьдесят миллиардов четыреста восемь миллионов шестьдесят шесть тысяч триста десятом нормальном человеке? Вам лучше не ставить подпись на моей аттестации, потому что я Вас разочарую.

Гервин покидал кабинет в полном раздрае.

Глава 4 – в которой трудно переоценить силу подорожника, а кровь императора – не голубая

Брана.

Через 8 часов после крушения.

Скучая в крыле интенсивной терапии, Самина исследовала пульт управления кроватью. Развлечений в палате не предполагалось, так как пациенты здесь находились либо при смерти, либо в коме, либо, на худой конец, без сознания. Девушку определили сюда принципиальные роботы-медсестры. Узнав о крушении судна, они сверились с должностной инструкцией и отвезли Самину в реанимацию. С переломом голени, десятком ссадин и нехорошим предчувствием. «Хорошо, что не в морг», – смирилась она и коснулась очередного сенсора. Вот это да! Включился гравитационный экран, и пациентка зависла в воздухе в полуметре от кровати. Она раскинула руки, побалдела немного и пришла к выводу, что совсем и не плохо скучать в таких условиях.

До конца лечебных процедур оставалось меньше часа, и девушка потянулась к больничному комму, чтобы звонить маме. Но та уже летела к ней, расталкивая медперсонал.

– Самина, чокнутая ты, ненормальная!.. – Сиби кинулась обниматься, – У меня тут с собой и валерьянка, и ремень... Догадайся, что для кого. И я счастлива видеть, что пригодится только второе.

– Ну, мам... – героиня галактики ласково уткнулась в белые волосы женщины. Эта золушка была неправильной – обожала свою маму. Если бы Самине предложили выбрать между мытьем полов для Сиби и балом у прекрасного принца, она без колебаний схватила бы ведро и тряпку.

– Когда мы получили сообщение от капрала с боевой станции, у меня чуть не случился удар. Ты вообще в своем уме – лезть на передовую в двухместном челноке?

– Это был не челнок, мам, а бриг, – вяло запротестовала девушка.

– Не многим лучше! Да еще без напарника. Ну, почему ты вечно выходишь в космос без второго пилота? – Сиби вела себя, как образцовая мать с тех пор, как пятнадцать лет назад отчим женился во второй раз. И любила, и корила от всего сердца.

– Ты же знаешь, у меня натянутые отношения с андроидами. Я не могу находиться с ними в замкнутом пространстве больше пяти минут. Я чесаться начинаю.

– Ну, конечно! Поэтому ты притащила самого страшного домой. Это ведь как с котятками, да?

Жена первого советника Альянса была веселой, быстрой, звонкой. Только грустинка в глубине глаз выдавала то ли возраст, то ли тайну. Потрясающая женщина. Если бы герцог Джур имел честь с ней познакомиться, красавица Сиби Зури уже давно носила бы другую фамилию.

– Я же не знала, что все так обернется. Просто хотела защитить свою станцию. Ты не представляешь, насколько ценные данные там хранятся! Когда я увидела рядом с моей сокровищницей имперский крейсер, то просто умом тронулась... – Самина коснулась своего запястья там, где оставила следы железная хватка императора. – А что там с пленником?

– Его забрали агенты безопасности. Знаю, потому что Харгена атаквала пресса, и он процедил что-то такое. У них там буча и переполох... Виданное ли дело: отхватить по нелепой случайности имперский кусок, что им не по зубам. Ведь не планету какую отсталую сцапали – целого императора!

– И что теперь?

– Говорят, прямо сейчас идет совет правящих домов. К вечеру твой отчим использует свое право бессмертного... ха-ха, бессменного Председателя Альянса и вынесет окончательное

решение о судьбе Эйдена I. – Сиби многозначительно приподняла брови. – Какое именно – не стоит и гадать, ситуация беспрецедентная.

Самина в напряжении провела ладонями по лицу, стараясь выбросить из головы электронные глаза и страх перед ними.

– Кстати, мам, – вдруг вспомнила девушка, – я ведь вколола ему экстракт ромашки, а он только заснул. И я догадываюсь о причине.

– Может, он просто нейтрализовал яд.

– Нет... Не может быть, чтобы яд, который убивает гораздо более мощных роботов за секунды, исчез так быстро. Мам, ну, ведь я проводила испытания на андроидах!

Сиби скептически хмыкнула:

– Не напоминай мне снова, насколько ты немилосердна к ним. Да и ты сравниваешь наших дуболомов с императором? У него же совсем другой организм. Наверняка он и не такое умеет.

Самина отмахнулась от обвинения в жестокосердии. В конце концов, это машины, как бы громко ни возникали правозащитники. Коль скоро отпала необходимость в защите природы, они бросились плодить омбудсменов для роботов.

– В том и дело: ромашка тем сильнее действует на нервную систему, чем больше та похожа на нашу. А уж поверь мне, император своим поведением... я хочу сказать, он должен был умереть в мгновение ока.

– Допустим. И что пошло не так?

– Понимаешь, это был экстракт цветов, в сотом поколении выращенных в космосе. На той же почве и в тех же условиях, что и обычно. Но! – указательным пальцем Самина акцентировала внимание на главном, – Вне Браны они начали терять агрессивные свойства. И возвращаться к исходным – лекарственным или питательным.

– То есть ты веришь легендам и надеешься, что пройдет несколько лет, и мы будем есть ромашковый салат? – засомневалась Сиби. – Как наши далекие предки?

– Слишком мало данных о том времени, но о салате в древних легендах ни слова. Зато в них есть что-то о ромашковом чае, клубничном джеме и хлебе из пшеницы. Знаю-знаю, сейчас они звучат, как яды, приготовленные с особой извращенностью. Но ты права, лет через пять... Разумеется, только если все это будет выращено на космических станциях. Любые растения, если снова пытаться разводить их на Бране, очень быстро становятся ядовитыми.

– Значит, они сопротивляются планете? Бред какой-то. Ведь это их родная среда.

– И если бы только растения, ты же знаешь. Сотни, а может, тысячи лет Бранианцы жили в гармонии с природой. Раскопки, аудио и видеоматериалы древности подтверждают это. А потом, видимо, произошел некий катаклизм, и...

У Сиби засверкали глаза, и она перебила:

– погоди, ведь теперь ты можешь точно рассчитать, когда они были отравлены? Мы выйдем на того, кто посещал планету и устроил здесь ад.

– Уже, мама, – улыбнулась Самина. – В своих экспериментах на станции я использую ускорители роста. Они позволяют проследить развитие тысячи поколений всего за несколько лет. И если перенести результаты исследований в реальное время, то получится, что экологическая катастрофа произошла восемьсот лет назад.

Мачеха напряженно молчала, и девушка продолжила, пытливо заглядывая ей в лицо.

– Вижу, ты уже пожалела, что спросила, да? Ровно! Восемьсот! Теперь понимаешь, к чему я клоню?

– К смертной казни за клевету на правящий дом Браны? Самина, по-твоему, катаклизм произошел, когда предок твоего отчима пришел к власти. Если обнародовать эти выводы, все решат, будто ты возлагаешь на него ответственность за отравление почвы.

– Ты невнимательно меня слушаешь. Почва не отравлена, нет никакого «загадочного яда», который все ищут! В космосе я использовала землю из ближайшего леса. Зато есть древние свидетельства того, что Хмерс не принял, а захватил власть над Альянсом. Вероятно, катаклизм был следствием первого удара межзвездного оружия, которым подавляли мятежи. Магнетарной пушки.

Сибь вскочила с кровати и зашагала по палате:

– Все официальные источники гласят, что биосферу отравили враги правящего дома Браны задолго до того, как Хмерс стал Первым советником – вероятно, за двести-триста лет. Никто не примет твои мелкомасштабные исследования на ромашке и болиголове всерьез. Согласись, версия о том, что растения по своей воле вдруг возомнили нас врагами, неправдоподобна, – женщина потерла ладонями бордовые от волнения щеки. – Между тем, оружие, о котором ты говоришь, веками давало защиту звездным системам Альянса. И ни на одной другой планете оно не вызвало противостояния флоры и фауны человеку.

– Ты говоришь только об одном из двух вариантов его применения. Да, оно создает барьер против вторжения извне. Но Хмерс распылял им целые миры, что противились новой власти. Может статься, такой способ имеет вредоносную отдачу... в виде изменения ДНК растений или чего-то подобного.

– Не мне читать тебе курс школьной физики, Самина, но ты сама знаешь, что это невозможно. На Бране – не само оружие, а только система управления им. Не может быть никакой... как ты выразилась... «отдачи». – мачеха перевела дух, снова села на краешек постели и заговорила тише. – Будь добра, выведи свои исследования из русла научной фантастики. И сферы интересов службы безопасности.

Самина молчала. Старшая леди Зури была права: она зашла слишком далеко, и путь этот грозил серьезным переплетом.

– Как твои раны, ты уже можешь вернуться домой? – неуверенно сменила тему Сибь.

– Удивительно, знаешь, но ран почти и не было. Нога сломана да несколько царапин, да это ведь пустяки – при том, что бриг развалился пополам.

Самина вздохнула вишневою шевелюру, как делала всегда, когда о чем-то сосредоточенно думала, и продолжила с нервным смешком:

– Радиорубка в труху, а я очнулась и давай пленных брать... Не помню даже, как выбралась из корабля.

– Наверное, была в шоке.

– Наверное... – эхом протянула девушка, и в память ворвались мутные серые туннели, боль и чужая рука на ее груди.

«Дыши, а не то шею сверну!»

– Наверное, в шоке, – повторила она.

В дверях палаты возникла андроид-медсестра со шприц-пистолетом. Запястья Самины засадило: враг вжимал их в песок после укола точно таким же.

– Госпожа Зури, я сделаю Вам последнюю инъекцию перед выпиской, – произнесла красотка и оскалила идеальные зубки.

Самину ожидал тройной коктейль: таргет-бульон с экстрактом имбиря, смарт-вытяжка из листьев зеленого чая и стволовые клетки подорожника. Тысячу лет назад состав звучал бы, как порция отборного бреда. Но сейчас, когда растения Браны окончательно сбрендили, лечение травами стало панацеей. Имбирь так разогнал метаболизм в месте инъекции, что голень срослась за пару часов. Подорожник мгновенно регенерировал мягкие ткани вокруг перелома. А за то, чтобы ресурсы организма не истощились от такого лечения, вступились мощнейшие антиоксиданты зеленого чая. Что ж, растения нельзя было есть, зато некоторые могли буквально собрать человека по кускам.

Через пять минут девушка, не удостоив медсестру взглядом, готовилась отправиться домой.

– Жаль, я не смогу попасть на оглашение приговора, – бормотала она, надевая симпатичное платье, которое принесла мачеха. – Все-таки я имею к произошедшему не последнее отношение.

Они покидали больницу, ни с кем не прощаясь. Какой смысл быть вежливым, если весь персонал – машины.

– Солнышко, почему нет? Ты можешь сопровождать Ориса: твой отчим настоял на его присутствии как будущего члена Совета. Только нарисуй макияж поярче, ты сегодня бледна, как твоя кошка. И смени оттенок волос. В цвет флага Браны придется кстати. В целом, раз твой брат несовершеннолетний, пусть кто-то из взрослых будет с ним. Свалим на материнскую прихоть.

– Чтобы большие дяди с других планет не украли малютку и не научили плохому? – фыркнула девушка, пропустив мимо ушей «всего доброго» от очередного синтетического врача. – Отлично, пойду выбирать подходящий для церемонии костюм. Например, гувернантки... или робоняни.

– Какая ты злая, Самина.

* * *

В катакомбах службы безопасности, где разместили Эйдена, антигравитационных кроватей узникам не полагалось. Воды и пищи, как он подозревал, тоже. Зато других развлечений – предостаточно. Очнувшись, пленник обнаружил, что:

1. Алмаз пропал, а еще —

2. Альянс малость переусердствовал в предупреждении его побега.

Сотня металлических обручей сковывали тело, крепко удерживая его в ловушке. Невозможно было не только двигаться, но и дышать нормально. Человек давно умер бы в этой западне, зато андроид – «получил возможность исправить осанку», – подбодрил себя Эйден. Он поерзал немного, пытаясь занять оптимальное положение для вдоха. И ощутил, как острые края обручей впиваются в раненый бок. Р-р-р, больно. Не по-человечески, конечно, но все-таки. «Тюрьма – плохое место для демонстрации совершенства моих рецепторов. Заметят, что чувствую боль от такой ерунды, – непременно этим воспользуются», – и андроид принял отстраненное выражение, вошедшее в привычку. Только дышать старался пореже.

Эйден повернул голову, чтобы осмотреть гостеприимный подвал, и обнаружил бонус: металлический ошейник с блокиратором голоса. Длинная игла проходила через горло прямо в связки и не давала произнести ни звука. «Не то, чтобы сейчас мне хотелось поболтать, но все же неприятно быть императором без права голоса», – мрачно пошутил он про себя, – «Что они там вообразили? Что я прямо из камеры начну вербовать сторонников? Или склонять охрану к мятежу?»

На самом деле робот и не представлял, насколько близка к истине была его ирония. Председатель Альянса, Первый советник Харген Зури, считал, – и не без оснований – что от пятисотлетнего андроида, чьи способности к красноречию стали притчей среди звездной дипломатии, можно ожидать чего угодно. Не дворцового переворота, конечно. Но кресло под советником и так временами подрагивало, и он распорядился применить к Его Величеству максимально строгие меры безопасности.

Мозг Эйдена изнурял его точным отсчетом времени, проведенным в тисках, когда дверь, наконец, открылась. В камеру вошли охранники, которых только издалека можно было принять за людей. За ними проследовал их начальник, которого за человека и вблизи принять

было трудно. Хотя вот он-то определенно им был: такого хрестоматийного презрения не сыскать на лице андроида.

– Сир, не соблаговолите ли выйти на моцион перед казнью? – свиноподобная морда приблизилась вплотную к императору. Зря: Эйден был выше его на полголовы, чем выносил оскорбление имиджу начальника.

– Ну, раз молчание – знак согласия, – командир махнул подчиненным, – отцепите его, парни, и наденьте наручники. Ошейник приказано оставить.

Свинорылый попятился за спины роботов, а те вышли вперед и одновременно коснулись сенсоров в противоположных углах камеры. Металлические обручи один за другим разомкнулись и исчезли в стене. В легкие пленника хлынул кислород, а глоустеры охраны были тотчас приведены в боеготовность. Один из роботов достал широкие наручники.

– Господин риз Эммерхейс, заведите, пожалуйста, руки за спину, – перегнул он с вежливостью, будто собирался тайком положить в них десерт. Эйдена посетило ощущение сюрреализма: высокотехнологичная тюрьма и какие-то древние оковы. Зачем цеплять наручники на андроида, если ему ничего не стоит от них избавиться?

Но через пару секунд он кардинальным образом передумал. Наручники, щелкнув на запястьях, выпустили толстые металлические шипы, которые прошли от одного края кольца до другого – прямо сквозь руки, между лучевыми и локтевыми костями. Брызнула и потекла на пол серебристая амальгама, Эйден невольно дернулся. Да уж, эти наручники не снимешь, вынув палец из сустава. Разве что всю кисть оторвешь. И будто этого было мало, шипы раз в пять секунд испускали слабый электрический разряд. Он замедлял сердцебиение, чтобы заключенный не имел возможности двигаться чересчур быстро.

– На выход. И без фокусов, Ваше Величество, – безопасник пропустил андроида вперед.

В коридоре к ним присоединились еще два робота, чтобы отконвоировать злодея к взлетной площадке тюремных карфлайтов.

Для транспорта службы безопасности выделили специальную полосу. Она пролегла выше основного потока авиамагистралей, и заключенные имели возможность (в последний раз перед экзекуцией) полюбоваться на город.

– Наслаждайтесь экскурсией за счет Первого советника, милорд! – хмыкнул человек, усаживаясь напротив пленника.

Эйден, за все это время не сменивший безразличного выражения, перевел взгляд с иллюминатора на «свинорыло». Человек почувствовал себя неудобно. Понял вдруг, что зарвался. Что император смотрит будто не в глаза, а прямо в душу, и если дать ему возможность говорить, – объявит, что мол, души-то у тебя никакой и нет... В момент, когда его сердце оборвалось, упало и гулко прокатилось в пятки, Эйден перевел взгляд на окно.

А там было, на что посмотреть. После сдержанных красок Ибриона от разнообразия палитры, развернувшейся внизу, пестрило в глазах. Не было ни полупрозрачных акварельных, ни мягких пастельных тонов: в архитектуре верховодили чистые цвета и замысловатые орнаменты. Плотные, вихревые потоки карфлайтов суетились меж высоток самых невероятных форм и размеров. Город тянулся ввысь на сотни и сотни уровней, небоскребы в самом деле купались в облаках. На родной планете Эйдена жилые дома почти никогда не бывали выше трех-четырех этажей, предпочтение отдавалось широте постройки. А также ее обособленности от других зданий: ибрионцы ревностно охраняли границы личного пространства. На Бране все оказалось наоборот: местных богачей не слишком заботило, что соседи нарушат их зону комфорта. Они соревновались в причудливости линий и в том, чей шпиль подберется ближе к искусственному солнцу.

У планеты, спрятанной в гиперпространстве, – застрявшей на пути от одной складки вселенной к другой – не было естественного источника освещения. Еретики древности, сожженные за веру в то, что их планета, видите ли, вращается вокруг звезды, отреклись бы теперь от

своих заблуждений. Ибо с высоты авиамагистралей было очевидно: бледное светило исправно наворачивает круги над Браной.

Разглядывая город-шапито, Эйден заметил странность: в небе, безупречно ясном, не кружили птицы. Он присмотрелся внимательнее. В парках – ни деревьев, на аллеях – ни одной клумбы. Никто из людей, в большинстве своем бледных и светловолосых из-за псевдосолнца, не играл с питомцем. Редкие белые кошки сновали по дворам.

Карфлайт покинул город и мчался теперь над внезапно раскинувшимся лесом, полным кривоватых стволов с мелкими листьями. Меж больных деревьев вяло бродил кто-то парнокопытный, доедая мелкого и менее удачливого зверя. Да, слишком сухой климат здесь не располагал к буйной растительности. Но в других полупустынных мирах, где бывал император, скудная зелень подталкивала жителей создавать в городах настоящие оазисы, разбивать пышные сады с искусственным орошением. «Отчего-то на Бране живая природа не в чести», – без особого интереса отметил пленник. – «Лес в изгнании, цветы на выселках, животные в ссылке...» Пасмурные метафоры Эйдена прервал охранник:

– Капитан Фярек, – обратился он к начальнику, – мы прибыли к месту назначения. Прикажете готовить заключенного?

– Насколько возможно подготовить к смерти, – осклабил тот, выискивая ответный холодный взгляд. Всю дорогу он внутренне готовил себя к противостоянию зеленой диафрагмы, но в этот раз милорд не удостоил его вниманием.

Карфлайт заходил на посадку перед ярко-синим шаром Дворца судебных заседаний.

Глава 5 – в которой торжествует справедливый суд, и злодей получает по заслугам

В тишине лабиринта коридоров гулко раздавались торопливые шаги. Металлические набойки предательски оглашали всем и вся, что обладатели дорогих туфель опаздывают.

– Это ж надо так, а, Самин, заблудились! – сокрушался паренек лет шестнадцати, светловолосый и долговязый. – Отец за опоздание убьет.

Юноша был одет в синюю парадную форму кадетов лётных войск Браны – красивый функциональный комбинезон. На широком кожаном поясе его портупеи висели ножны с длинным широким кинжалом – дань военной традиции, которую отдавали по особо важным случаям. Дань эта неудобно болталась, на поворотах больно ударялась о бедро и мешала ходить. Сегодня Орис справедливо полагал себя нелепым. Обычно ведь, подогнанная точно по фигуре, на бывалых капитанах такая форма смотрелась великолепно. На стройных, гибких телах старшекурсников – дерзко и сексуально. А впервые напаянная на худосочного Ориса – мешковато, потому как сразу выдавала его неуклюжую подростковую угловатость. «Зато эти комбинезоны сразу показывают, каков ты есть», – констатировала Самина, как только вернулась из больницы и застала брата за одеванием.

– Мы вовремя, не психуй... Какой же из тебя советник, если ты трусишь, как школьник, – нервно одергивая на себе длинное синее платье, которое шелково струилось от шеи до самых пят, сестра приводила дыхание в порядок. Нельзя являться пред очи глав правящих домов в растрепанных чувствах.

Самина наощупь проверила целостность прически из волос цвета июльского неба (церемониальные косы слуги плели втроем!) и толкнула дверь, которая, по ее мнению, вела в зал. Дверь не поддавалась. Под аккомпанемент зазвучавшего где-то рядом гимна закралась мысль, что отец и впрямь будет недоволен.

– Самина, быстрее, сюда! – раздался позади голос брата, которому повезло больше.

Сестра на цыпочках скользнула за ним в приоткрытую щель и оказалась в нижней ложе зала суда.

– Ну, ты даешь. Видела хоть табличку, куда рвалась? – хохотнул ей в ухо Орис. – В пыточную камеру!

– Присматривала для тебя новое жилье. Осточертели твои шмотки у меня дома.

Удовлетворенная порцией яда, она вышла к парапету, чтобы оттуда лучше рассмотреть зал.

Над их головами раскинулся громадный ячеистый купол из прозрачного неопластика. Судьба пленного императора решалась наивысшим судом Альянса, поэтому советники тем вечером собрались под самой крышей. Зал делился на три яруса. Самый нижний занимала круглая площадка для публичных экзекуций. Это была арена жизни и смерти, которая превращала казнь или помилование в остросюжетное развлечение. Казни на Бране были делом обычным, даже будничным, и кое-кто из председателей решил, что грех этим не воспользоваться, и выдумал превратить их в экстремальное шоу. Естественно, оно транслировалось в прямом эфире по всей планете. Букмекеры принимали ставки, долго ли продержится тот или иной бедняга, заключались пари на того, кто выступит палачом и какое будет оружие. Против осужденных выходили настолько превосходящие их по силе противники, что вопрос об исходе даже не ставился. Правда, согласно правилам, если какой доходяга и убил бы своего палача (хоть доселе прецедентов и не случалось), его бы непременно помиловали.

Самина и Орис заняли места в ложе для знати: она метра на три возвышалась над ареной и была отгорожена небольшим парапетом из закаленного стекла. «Это чтоб кровища на платье не

брызнула», – не удержалась от громкого комментария Самина. Она привлекла к себе несколько пар вытаращенных глаз: ожесточенные сердца зрителей, как ни странно, бывали шокированы, если кто-то называл очевидные вещи своими именами. Вместе с девушкой и ее братом в нижней ложе находились члены семей других советников и какие-то столичные чиновники.

Еще выше располагался ярус верховных судей – глав правящих домов Звездного Альянса. Всего они занимали двенадцать мест, председательствовал Харген Зури. Первый советник был немолод – он принял этот пост совсем юным, но целый век назад. С тех пор на его строгое лицо с крупными чертами грубой чеканки пала мрачная тень. Она стала бессменным атрибутом власти трех председателей до него и, по всей видимости, передавалась по наследству. Харген с особым почтением носил на себе эту суровую тяжесть полномочий. По старому, но расхожему эталону ему бы дали чуть за пятьдесят. По новому стилю – хорошо за сто. Разумеется, в свете достижений современной медицины никто не заручился бы, сколько ему было на самом деле. На Бране и подчиненных ей планетах редко кто жил меньше двух-трех веков. Поискав глазами сына и дочь в ложе внизу, председатель сухо кивнул им и снова нахмурился.

Пока арена пустовала, Орис с почти детской непосредственностью таращился на инопланетян. Он впервые видел их так близко: на засекреченной Бране гости, разумеется, были редкостью, а сам он еще ни разу не летал выше родной стратосферы.

Шуршала золотым платьем пожилая леди с Йартана (или не леди? или не пожилая?) – один белесый глаз на пол-лица, а в остальном, пожалуй, человек как человек. Гуттаперчевый эолец крутил подвижным телом: у него на четыре конечности приходилась тысяча шарниров. Орис читал, что на Эоле гиперплазия позволяет выживать среди джунглей и скал, что покрывают сушу целиком. И общаться меж собой на удивительном и сложном языке тела.

В большинстве же своем инопланетяне его разочаровали. Они напоминали юноше слабо мутировавших аборигенов Браны: дело в том, что в этой части вселенной было не так много общих предков, чтобы получить качественное разнообразие. Виды, близкие к гуманоидам, цепляли к органам дыхания забавные прищепки-адаптеры, которые делали местную атмосферу пригодной для гостей, а еще различные гравитационные, электромагнитные браслеты и кольца против радиации. Без всякой бижутерии обходился лишь маленький блестящий диск с планеты Роркс, жители которой давно предпочли цифровое существование мозга увяданию смертных тел. Напоследок юношу заинтересовал разумный газ в тонкой колбе. Он клубился вверх и вниз в желтоватом сосуде, непрерывно меняя цвет и консистенцию.

– Как думаешь, что он говорит? – шепнул Орис, кивая на колбу.

– Чтоб ты не подходил так близко к парাপету. – сестра дернула его за рукав. Привычка язвить и высокомерно растягивать слова раздражала и ее саму. Отвратительный багаж, который она приволокла из своего научно-исследовательского института. Когда всем коллегам вокруг глубоко за сотню, а тебе – «двадцать пять, да, я не шучу, просто двадцать пять», как не строить из себя что-то среднее между снежной королевой и книжным червем?

Наконец советники едва заметно подобрались и заерзали в высоких креслах: в зал суда вели заключенного.

Эйден шагнул на арену с тем же мертвым лицом, с каким терзал многоножек полтыщи лет назад. Впрочем, робот – он и есть робот, удивляться было нечему. С той поры, как он впервые дерзил герцогу, рискуя отправиться в утиль, он отточил этот особый взгляд сверху вниз, доведя высокомерие до совершенства. Пожалуй, теперь оно являлось таким же атрибутом власти, как и мрачность Харгена. Конвой спешно оставил пленника в одиночестве. Казалось, император вышел приветствовать своих подданных, если бы не редкие капли амальгамы, что срывались из-под наручников и, звонко ударяясь о пол, скатывались в серебристые шарики.

Имперская военная форма вблизи производила ошеломляющий эффект. Абсолютно черная, матовая и гладкая, она подкупала своей лаконичностью и наводила страх. Не знаками отличия, из которых по уставу полагался один камень, но как символ жестокости и превосход-

ства сил. Зрители нижней ложи инстинктивно отпрянули, насколько позволяли им кресла. Не двигалась только Самина – она уже прочувствовала на себе близкое знакомство с алмазным кителем. А Орис подался вперед, пораженный любопытством, равного которому не испытывал до сих пор. Кровожадный или алчный до крови, император стал легендой задолго до рождения большинства в этом зале.

Председатель суда Харген Зури набрал в грудь воздуха и, цепенея от напряжения, заговорил:

– Эйден риз Эммерхейс, сегодня высшим трибуналом Звездного Альянса Вы признаетесь виновным в совершении многочисленных военных преступлений. Как император и главнокомандующий вооруженными силами, Вы попустительствовали и лично способствовали разрушению принципов гуманности, принятых в любом цивилизованном мире.

Подсудимый казался внешне расслабленным и слушал Первого советника вполуха, позволяя взгляду рассеянно гулять по ложам. Возможности протестовать у него не было – ошейник с иглой так и не сняли. Зури тем временем передал слово главе Правящего Дома Эолы, и тот начал с выражением зачитывать опус о страшных преступлениях, допущенных с легкой руки Его Величества. В воздухе над судьями развернулись трехмерные экраны, чтобы иллюстрировать список злодеяний чудовищными кадрами войны.

– ...истязание пленных на Лерте, захват и убийство заложников в секторе Бета Кармина, увод в рабство граждан Цирутата...

«Ритуальный каннибализм забыли. Мы с Ву как-то ели парную человечину», – вяло текли мысли андроида. – «Цирутат... Это вообще где? Хотя кого здесь интересует доказательная база: первый, кто усомнится в справедливости обвинений, тут же составит мне компанию...» Размышления о суде прервались, как только блуждающий взгляд зацепился за хрупкую фигуру в длинном платье. «Ромашка лекарственная. Синяя. Как то море, в котором надо было ее утопить». Девушка, встретив знакомые колючие глаза, заморгала, но император уже переключил свой интерес на Ориса.

– ...массовые убийства мирных жителей и выжигание городов в системе Рагва без военной на то необходимости, – закончил судья Эолы и, сложив гармошкой невероятные ноги, присел на место.

Вниманием собравшихся завладел Харген Зури. Среди почтительного безмолвия гостей его непререкаемая властная харизма и зычный голос имели свойство понижать температуру зала на несколько градусов.

– Вселенная не знала ещё тирана более жестокого, чем Эйден риз Эммерхейс, – начал он, промокнув лоб белоснежной салфеткой. – И я бы не давал синтетическому негодяю права защищать себя и свои преступления. Ибо оправданий им нет и быть не может!

Голос Харгена дрогнул на последней фразе, но он собрался с духом и продолжил:

– Но, к моему сожалению, правящие дома настаивают на полном соблюдении процедуры трибунала, и стороне обвинения предоставляется слово.

Председатель суда заготовленным жестом отбросил платок, небрежно коснулся панели управления, и Эйден почувствовал, как игла с неприятным жжением покидает горло, втягиваясь в ошейник. Перед тем, как начать говорить, андроид выдержал паузу, во время которой не отрывал пристального взгляда от Первого советника. Затем в зале зазвучал его баритон, немного хриплый на первых словах после блокатора голоса, но постепенно набирающий силу:

– Мне действительно нет нужды реабилитировать себя в ходе этой войны. Ни мне, ни кому-либо из флотилии галактики Миу. Все, что прозвучало в обвинении – правда. Но особенно, политического рода: полуправда, недоправда и псевдоправда. Иными словами – неизобличаемая ложь. За исключением имен звездных систем и самого факта совершения преступлений, разумеется. Их я охотно прокомментирую.

По залу прокатилась рябь возбуждения, и уголки губ императора дрогнули от удовлетворения, когда он продолжил:

– Девяносто лет назад я получил от содружества планет созвездия Кармин призыв о помощи, в котором говорилось, что вы насильно присоединяете всю их галактику к Альянсу. Глава содружества, боясь прослыть голословным, передал мне свод документов, который, помимо иных доказательств, содержал и медиафайлы... Некоторые из них вы только что имели сомнительное удовольствие видеть на экранах.

Эйден замолчал, так как предвидел рождение волны перешёптываний, среди которых теперь уже ясно слышались возгласы «ложь!» и «раздавить имперскую гадину!». От последнего разило уличным плакатом. Но обвиняемый не повысил голос. Стоило ему снова заговорить, и зал умолк.

– Вы не ослышались. Досточтимые главы правящих домов и высочайшая знать Альянса несколько минут назад стали свидетелями того, как со стороны обвинения выступили те, кто ответственен за...

– Довольно! – заревел председатель с верхней ложи, а зал поднял такой хай, что возмущение его не поддавалось контролю.

Андроид сделал шаг навстречу Харгену и, впервые за все это время, заговорил громче и как будто с вызовом:

– Как бы ваши дети не кинулись проверять мои слова – как только суд закончится. Вы удивлены, откуда я знаю так много, господин Зури? Дело в том, что галактика Миу, по счастливой для нее случайности, оказалась настолько близко к Ибриону, что я сам принимал участие в большинстве операций. И сейчас на моем корабле находятся доказательства...

– Нет здесь никакого корабля! – Первый советник вдарил по панели на подлокотнике, мгновенно загоня иглу в связки робота, после чего заставил себя опуститься в кресло. Он и не помнил, когда вскочил с него. – Все мы знаем и видели, что истребитель потерпел крушение и погиб вместе с бортовым компьютером. И сейчас ты трусливо прячешься за словами, которые не можешь подтвердить! Ты надеялся посеять здесь ядовитые зерна сомнений, чтобы сохранить искусственную шкуру?

Снова вынужденный молчать, Эйден без видимого напряжения сносил оскорбления и резкое обращение, внезапно утратившее формальность. Однако Самина была поражена: даже на берегу зеленые глаза не посылали столько ненависти ей, сколько теперь доставалось отцу. Без единого намека на внешнее проявление, она совершенно точно ощутила, она почувствовала это. Где-то очень глубоко. Но пока Харген Зури сыпал хлесткими эпитетами, андроид восстановил дыхание и заставил тело расслабиться. Напряженный взгляд его вернул привычное отстраненное выражение. Никто, кроме Самины, даже не заметил, что флегматичный сноб на мгновение позволил себе обнажить настолько сильное... что-то.

– Разумеется, прежде всего Альянсом движет не слепая месть, но благополучие народов галактики Миу и, в частности, созвездия Кармин, – приглушил злость председатель, удивительно легко возвращаясь к деловому тону. – Поэтому Совет позволит тебе обменять свою драгоценную имитацию жизни на капитуляцию Империи из зоны конфликта.

В ответ на это бровь андроида так красноречиво поползла вверх, что Харген стремительно отдернул руку, занесенную было над панелью управления ошейником. «А моим канцлером движет инстинкт самосохранения, поэтому он уступит вам слизи от жорвела, а не сектор». – ответил бы Эйден, если б мог. – «Ничего. Все складывается отвратительно, но довольно близко к плану». Советники в ложе настойчиво жестикулировали, стараясь привлечь внимание председателя. Газ в колбе метался и оседал черными хлопьями.

– Что ж, я предполагал, что Ваша алчность, слухи о которой летят впереди имперского флота, не даст отступить от хищных притязаний, – задумчиво протянул Зури. – В таком случае мы готовы сохранить Вам жизнь в обмен на военные технологии Ибриона. Нас интересуют

последние научные разработки, чертежи оружия, схемы кораблей, планы нападения и тактика ведения боя... словом, абсолютно все.

Сохраняя неестественно прямую осанку, Эйден медленно вздохнул, опустил глаза и беззвучно рассмеялся. Затем вернул прежний, безжизненный взгляд на Харгена и качнул головой из стороны в сторону – «нет». В зале висела тишина, и только – кап, кап – звенела амальгама. Самина жаждала испытать праведный гнев вместе с остальными, но её вдруг защемила мысль о серебристых шариках. И о том, что андроид будет умирать необыкновенно красиво. Первый советник поднялся:

– Мы видим, что у обвиняемого нет специальной программы, чтобы признать совершенные преступления и желания нести за них ответственность. У Совета не осталось иного выбора: трибуналом высшей инстанции Эйден риз Эммерхейс приговаривается к смертной казни!

Судейский молоток грохнул в долгой паузе между ударами сердца Самины: обидно, нестерпимо обидно. Там, на берегу, девушка надеялась, что мудрые советники найдут способ распорядиться бесценным пленником в интересах Альянса. Она давила панические атаки, чтобы нащупать пульс врага. Она каждую минуту слушала его дыхание, затаив свое от страха. А теперь легенду пустят в расход в угоду букмекерам, в насмешку над возможным перемирием, вразрез с принципами цивилизованного мира, наконец.

– Здесь, на Бране, тоже случаются бракованные роботы, – продолжал Харген, как только гул в ложах поутих. – Сбои в программах, беспричинные замыкания, ошибки инженеров... – все это нередко приводит к удручающим последствиям. Именно поэтому мы не даем машинам столько воли, сколько подарила Империя этому андроиду. Если робот убивает человека без приказа, его следует уничтожить как негодный экземпляр. Эйден I по своей прихоти убивал целые народы... На что надеялся Ибрион, предлагая королевскую приставку к фамилии – ему?

Первый советник красноречиво указал на обвиняемого, который в тот момент лишь подтверждал свою природу – был равнодушен и неподвижен настолько, что даже не моргал.

– Сегодня мы увидим, что все их славные технологии – ничто по сравнению с обычным рабом Альянса. Император и главнокомандующий будет убит рядовым солдатом. Снимите наручники и пригласите нашего палача. Совет объявляет начало казни!

Эйден наконец моргнул.

«Все идет по плану. Вот только он мне уже не нравится».

Глава 6 – липкая от паутины

Зона боевых действий в окрестностях системы, название которой лишь засорит память читателя

Год 1600 от основания Империи Авир.

За 400 лет до основных событий.

Это был Кси – древний оплот давнего врага. Задница такая, что дальше некуда. Может, Капитан Маар и был неправ исключительно по-капитански, но он смотрел на мир без прикрас и не питал ложной надежды на эту операцию. Адмирал каждый год посылал очередных авантюристов на поиски украденного кристалла. Все подданные Ибриона видели изображения мощнейшего квантового компьютера, заключенного в уникальный минерал, со всех ракурсов. На деле же за все эти годы никто так и не смог его вернуть. В этот раз адмирал клялся, что кристалл находится в засекреченном бункере на Кси. И теперь Маар, разделив своих лучших офицеров на две группы, подбирался к хранилищу со стороны пустыни. Он решил взять лейтенанта Эммерхейса, в паре с которым они провернули десятки вылазок. Капитан Маар не переставал благодарить судьбу (и угрюмого профессора Гервина) за уникальных андроидов в своем экипаже. В нагрузку капитан взял Шая, молодого энсина. Он не смог доверить излишне энергичного мальчишку старпому и поэтому тащил с собой по жаре и пескам. Вскоре показалось здание бункера: оно призрачно колыхалось в мареве.

Шай перекатился через голову вниз по дюне. Отплевывая горячие крупички, услышал, как где-то впереди прильнул к песку андроид.

– Ну что, Эйд, много их там, у входа? – донесся шепот капитана.

– Двое с оружием у двери, четверо на обходе.

Вдоль периметра хранилища, снаружи похожего на белую пирамиду, гуляли кситы-охранники. Худые и непомерно высокие, с бледной кожей и мясистыми хвостами. В узловатых пальцах сверкали эфсами фотонные сабли. Да, именно они.

– Шай, кинь в Эммерхейса нейтрализатором, – приказал капитан и, увидев, как энсин испуганно выкатил глаза, хохотнул. – Да не бойся ты, он поймает.

Эйден, не глядя, изловил неловко брошенные капсулы и скользнул в сторону охранников. Тихо, словно летучая мышь.

Через несколько секунд Маар и Шай услышали хлопки нейтрализаторов, и затем наступила тишина.

– Эйден, долго нам еще валяться? – спустя почти минуту зашептал в рацию энсин. – Я тут уже яйца поджарил!

– Ну, хоть на что-то сгодились. Все чисто, кэп. Но здесь есть кое-что... и оно Вам не понравится.

Как только все трое собрались у входа, капитан понял, что имел в виду Эйден. Из-за дверей тянулись наружу ошметки, похожие на паутину. Серую, липкую, мерзкую.

– Свежая... – Пробормотал Маар и выругался так, что другие переглянулись. – Жорвелы, мать их! Они здесь что, вход изнутри охраняют?

– Может, вход, а может, и сам кристалл. В любом случае, у нас нет против них оружия – ни с собой, ни на корабле... – Шай задумчиво тер подбородок.

Эйден переключил рацию на общий канал.

– Надо предупредить вторую группу, они зашли с другой стороны. Коммандер Фок, прием. У нас тут следы жорвелов. Коммандер?

Рация молчала. Все понимали, что это может значить. Маар снова ругнулся.

– Мы не можем отступать без них. Если Фок и Андер начнут блуждать в поисках нас, – без связи, да к тому же не зная о паутине, – то наткнутся прямоком на этих тварей.

– Уже наткнулись. Я так думаю. Вероятность этого в процентах...
– Не надо! Не надо... Спасибо, Эйден, за твой неиссякаемый оптимизм.
– Тогда вперед, – ринулся ко входу Шай, но капитан удержал его за локоть.
– Нет, пусть лучше Эммерхейс проверит. Тебя дома девушка ждет, да и вообще...
– Ага... две, коллапс их подери, девушки.
– Признались бы, что он никудышно стреляет, зачем же сразу по больному, – Эйден сорвал замок выстрелом и зашипел, пробуя воздух на язык. Чисто.

Холл пирамиды оказался пуст, и трое вскоре очутились в полутемном лабиринте хранилища.

– А ведь у Эмми, к слову, тоже вроде бы кто-то есть, – прошептал Шай, брезгливо ступая по липкой паутине.

– Время от времени, – отозвался лейтенант и пожалел об этом. Теперь парень не уймется. Они выпустили светлячков, которые двигались в метре от пола.

– Красотка такая, я видел... Я-то думал, у вас все серьезно.

Эйден фыркнул, а капитан не выдержал и прыснул:

– Ну да, очень серьезно трахаются!

– Шай, андроиды не водят своих дам любоваться закатом и не дарят цветов, – с тенью снисходительной улыбки объяснил Эммерхейс. – Мы удовлетворяем взаимную физиологическую потребность с людьми или другими машинами. И только.

– Вот именно! И между тем секса мне отчего-то выпадает меньше, чем тебе.

– Оттого, что, когда тебе нравится девушка, ты ведешь себя, как жорвел.

– О, да! – расхохотался Маар, а Шай окончательно скис. – Распускаешь слюни и щупальца! Эммерхейс, дай пять...

Шай махнул рукой и зарекся хохмить с офицерами, один из которых был в четыре, а другой в шесть раз старше.

Внезапно андроид остановился, давая знак умолкнуть. В темноте коридора показался широкий круглый люк.

– Судя по надписи «Запрещено» – нам сюда, – взбодрился Шай и рванул к себе ручку на удивление легко поддавшейся двери.

Только Эйден успел крикнуть «нет!», как энсина швырнуло назад, и вслед за ним из темноты вывалилось немыслимое чудовище.

Жорвел сорвал дверь с петель и замолотил конечностями, насаживая так некстати повернувшегося капитана Маара на щупальца. Это была огромная продолговатая туша, отвратительная комбинация слизи и паука. Восемь щупалец, и на каждом из них двигались острые костяные крюки. Андроид безуспешно обстреливал бронированную шкуру жорвела, в то время как Шай отрывал живые крючки от тела Маара. Только когда энсин смог дотянуться до радиокинжала, щупальце поддалось ему. Шай наконец отрезал капитана от жорвела и пытался, содрогаясь от мерзости, убрать крюки с его искалеченной груди. Эйден обстрелял глаза чудовища, ослепил его и отбросил армалюкс, чтобы тоже перейти на нож. Через пару минут у монстра осталось только пять ног. Пасть находилась на спине, и ему надо было сперва изловчиться и подцепить на крюк свою жертву, прежде чем отправить в глотку и...

– Эй, держи второй! – крикнул ему Шай, когда понял, что от неистовых щупалец жорвела сможет увернуться только андроид с его поистине акробатическим талантом.

Эйден поймал кинжал ценой ободранной крюками руки и каким-то чудом лишил чудовища еще двух ног. Коридор вокруг был в цепкой паутине, робот уже с видимым трудом прорывал ее.

Шай оттащил тело капитана в дальний угол и пытался вернуть его в сознание. А жорвел, к тому времени уже пришедший в отчаяние, подобрал щупальца и перекатился на бок, обнажая зловонную пасть в лицо Эйдена. В эту вонючую дыру он мог бы поместиться целиком.

Отпрыгивая подальше от пасти, робот послал один из радионожей в глотку монстра. Тот в ответ щедро одарил андроида слизью. И наконец, поджимая спасенные щупальца, покатился в коридор, из которого пришли имперцы.

Эйден подбежал к своим, на ходу срывая паутину и слизь. Маар пришел в сознание, но было уже ясно, что это предсмертная агония. Шай трясущимися руками все пытался что-то сделать с огромным щупальцем. Давно оторванное от жорвела, оно никак не отпускало грудь и живот капитана. Эммерхейс опустился на корточки и бегло осмотрел раны. Собранный и спокойный, он только сильнее нахмурил брови. Под ногами разливался океан крови, крюки превратили торс Маара в дрожащее месиво из потрохов. Глаза андроида потеряли блеск. Только и всего. А у молодого энсина, судя по всему, началась истерика.

– Я связался с кораблем, но Оуч говорит, не могут сюда послать никого, их окружили кситы! – кричал Шай в спокойное лицо андроида, пока тот удерживал немигающий взгляд на капитане. – Эйден, что делать?! Мы же сами не дотащим его живым без спецкапсулы!.. Да и куда, если у них там обстрел?!

Он снова приподнял голову и плечи капитана, но тот, скривясь в гримасе боли, вдруг оттолкнул энсина и прохрипел:

– Эйд... давай...

Шай мгновенно умолк и посмотрел на андроида. Тот встал, не говоря ни слова, подобрал свой армалюкс и так же молча вернулся. До энсина, наконец, дошло. Хорошо, что Маар попросил именно Эйдена. Он хотел, чтобы быстро. Чтобы без колебаний.

Андроид поднял на беднягу спокойные зеленые глаза:

– Было честью служить с Вами, капитан, – сухо попрощался робот и выстрелил ему в голову.

Затем бросил онемевшему энсину его нож и поправил, будто на уроке, а не в адском пекле:

– В переводе с кситского эта надпись означает не «Запрещено», а «Опасно». Поторопись, Шай, жорвел может вернуться.

Они молча прошли в ту самую дверь, из которой вылезло чудовище. Внутри оказался коридор с еще одним люком, на этот раз в полу.

Эйден аккуратно обошел люк, подозревая, кто именно может сидеть там.

– Почему здесь нет охраны? – так и не придя в себя от чувства вины, слабо произнес Шай.

– А смысл? Будь у меня такой питомец, я бы тоже не волновался за кристалл.

– Будь у тебя такой питомец, я бы волновался за твою психику... Смотри, тут три туннеля, куда теперь?

В одном из коридоров послышались крики и возня.

– Инстинкты настаивают, что в любой из двух, где тихо. Но служебный долг обязывает сюда. – кивнул Эйден, и они побежали на звук.

В картине, что открылась через минуту, приятного было мало. Посреди узкой комнатки лежал распростертый ксит, истекающий молочно-белой кровью. Над пленником склонились двое: старший помощник капитана, Фок, и еще один андроид экипажа, энсин Андер. Робот методично отрезал у ксита дюйм за дюймом от длинного хвоста, а ксит заходился в истерике.

– Коммандер Фок? Что здесь происходит? – приблизившись, осторожно спросил Эйден. Тот в ответ поднялся, жестом приказывая Андеру продолжать.

– Лейтенант, где капитан Маар? Бледная дрянь не хочет показывать безопасный путь к сейфам.

– Капитан мертв. Его ранил жорвел.

Коммандер сплюнул на пол и яростно пнул ксита, отчего тот взвыл еще громче.

– Здесь нет связи между коридорами, только с кораблем! Мы нашли чертов кристалл, но до сейфа не добраться – там сидит еще один жорвел! Да так, что не сдвинешь! Нам попался этот... бледный хмырь, бьемся с ним уже минут пятнадцать, ни в какую...

Эммерхейс подошел ближе к гуманоиду. Робот закончил с хвостом и теперь ломал пальцы. Ксит потихоньку терял сознание и становился бесполезным.

– Андер, мне кажется, он хочет что-то сказать. Только слишком тихо, я никак не разберу. Будь добр...

Андроид, не долго думая, наклонился к лицу пленника. Спустя миг разыгралась предсказуемая комбинация: ксит выбросил изо рта острый шип, который через ухо мучителя проник в его мозг, а Эйден выхватил армалюкс и направил на Фока.

– Вынужден напомнить, командер, что пытки запрещены межзвездной конвенцией. Шай, будь добр, возьми ксита на себя. Перевяжи хвост, надень наручники. Энсин Андер, кажется, будет временно недееспособен.

– Ах, ты, сукина корпускула! – взвыл Фок, – Угрожаешь оружием старшему по званию?!

– Да, кстати, Ваше оружие я заберу.

Только после этого робот опустил свое.

– А теперь еще раз, четко – как для рапорта – доложите о кристалле.

Фок пораздвигал ноздри, но был вынужден признать, что с голыми руками против андроида у него мало шансов.

– Видел вон там, в полу, люк? В нем кристалл! А на кристалле сидит жорвел – пастью, естественно, вверх! Так вот, мы его и так, и эдак... Даже звуковыми гранатами кидали, да только пасть у него бронированная, как и туловище. Думали, проглотит одну. Но оказался не дурак – выблевал, параллакс ему на жало. Послал нам обратно нашу же гранату... Мы еле успели за угол забежать. Вот теперь иди, сам с ним разбирайся! Умник хренов...

Эйден думал, закусив губу. Наконец спросил:

– А хорошая у вас была идея. Звуковая граната еще осталась?

– Одна только и есть, забирай, – он сунул андроиду маленький, но тяжелый шарик. – Можешь ее хоть сам проглотить и к нему в пасть сигать...

– Зачем же глотать, можно просто спрятать в руке. И как только окажусь в его желудке, сразу активирую. Мое тело ведь состоит из металла и синтетики. Оно не резонирует при взрыве такой гранаты, и я не должен пострадать.

У Шая и командера одновременно выпала челюсть, и Эйден добил:

– Ну, теоретически.

– Эмми, ты, псих, псих, псих, да ты хоть в курсе, что обошелся Империи, как небольшая планета?!

– Я уже сто двенадцать лет псих, у меня и справка есть от профессора, – пожал плечами андроид, бодро удаляясь от них по коридору.

Минут через десять Фок и Шай услышали тихий гул. И почти сразу ощутили слабые колебания воздуха и пола у себя под ногами. А под конец – громкий всплеск. Это означало, что граната сработала в огромном теле чудовища – так они, во всяком случае, надеялись. А еще через пять минут из тьмы коридора на свет выступил, шатаясь, Эйден. Он был с ног до головы в липкой слизи, в паутине и каких-то серо-зеленых ошметках.

И с кристаллом в руках.

– Я все. Как там на корабле?

Прежде, чем ответить, Шай целую вечность вытаскивал себя из ступора.

– Говорят, отстрелялись...

– Угу. Ну, пошли.

* * *

Эйден отмывался от внутренностей жорвела вплоть до аудиенции у адмирала. Даже в шикарном кабинете главнокомандующего элитной флотилией ему всюду мерещились запахи слизи и паутины. Адмирал Тауринтейл только что закончил читать отчет членов экипажа о событиях в хранилище.

– Ну, что я могу сказать, лейтенант Эммерхейс. Признаюсь, Вы меня снова удивили. Никто еще, за каких-нибудь полчаса убив капитана, покалечив энсина и угрожая старшему по званию, не заслужил повышения так, как умудрились Вы.

Эйден слушал внимательно и молча.

– Но я не произведу Вас в командиры, как обещал при успешном исходе операции.

– Понимаю, адмирал.

Тауринтейл вскинул руку:

– Я не договорил. Старпом – не слишком ли мелко при таком-то уме? Ваше новое назначение – капитан звездолета. Я оставляю за Вами тот же корабль и остатки команды, с которой Вы были на Кси. Только андроида почините за свой счет.

С этими словами адмирал выложил на стол небольшую коробочку и подтолкнул в сторону Эйдена. Тот взял ее, открыл и окинул взглядом сверкающие грани топаза – символа капитанского звания.

– Кстати, пленный ксит оказался важной птицей. Что-то вроде генерала в их армии. Он потребовал, чтобы его допрашивали именно Вы. Не подведите нас, капитан, это будут первые конструктивные переговоры с их галактикой за время конфликта.

Андроид кивнул и вернул камень на стол.

– Вы позволите спросить?

– Разумеется. – немало удивился Тауринтейл.

– Вы знали, что там будут жорвелы? Вы готовили Кси к терраформированию и, должно быть, хорошо изучили планету.

Адмирал пожевал губами и усмехнулся.

– Я вижу, Вы любите задавать неудобные вопросы людям, от которых зависит Ваша карьера.

– Андроидам чужды амбиции, адмирал. Наша жизнь течет под древним девизом «встань рано, вразумись здраво, исполни прилежно».

– Судя по тому, что я знаю о Вашем личном расписании, как минимум первая треть этого девиза здесь не применима. – проворчал Тауринтейл. – А в ответ на вопрос – да. Я знал. Но если бы я сказал об этом загодя, Маар не полетел бы туда. Никто бы не полетел! Эффективного оружия против этих тварей не было и нет. Одна только храбрость, Эммерхейс. Храбрость и жертвы. Но иначе мы не вернули бы кристалл!

– Ясно, – ответил Эйден и отступил назад.

Адмирал вдруг привстал ему навстречу.

– Не валяйте дурака, Эммерхейс. Забирайте камень. Никто теперь не позаботится об этом корабле и о команде лучше Вас!

– В последнем Вы, наверное, правы.

Он взял со стола коробочку с топазом и, отдав честь, покинул кабинет.

Глава 7 – в которой Харген передумал

Палача встретили молчаливым колыханием зала. Мужчины вытягивали шеи и шупальца в сторону арены, дамы возбужденно ерзали в парящих креслах. Орис тоже не удержался и привстал.

– Рядовой?! Да они издеваются!

– Замолчи, пока тебя не услышали судьи, и сядь! – резче обычного приказала сестра. – Это казнь, а не спортивное шоу. Если хочешь проявить сочувствие к убийце, попроси Фярека, он выбросит тебя к нему на арену!

Орис вернулся на место и продолжил возмущаться про себя, беззвучно шевеля губами. Самина была права, конечно. Но проклятье, если б только брат знал, насколько в эту минуту ее воротило от своих слов. Оттого ли, что обостренное чувство справедливости вдруг затребовало соблюсти обещанный традициями шанс на помилование? Или оттого, что в истерзанную катастрофой голову закрались сомнения? Так или иначе, ясно было одно: против такого палача осужденный не выстоит и минуты.

Со стороны Звездного Альянса выступил боевой андроид одной из последних моделей. Выше двух метров ростом, тело и мощь бульдозера, косая сажень в плечах. Их использовали в наземных карательных отрядах – для того, чтобы подавлять восстания и бунты, не задействуя лишний раз авиацию. В целом, его можно было описать избитым словосочетанием «гора мышц». Ведь нет ничего хуже, чем выдумывать метафоры для кувалды.

Эйден, с которого только что сняли наручники, растирал запястья. Казалось, его не волнует разница в габаритах между его телом легкоатлета и каменной тушей впереди.

Пока не выпустили палача, император поражал статью и рельефом, который не скрывала военная форма. Но теперь толстяк, сидевший рядом с Орисом, не в бровь, а в глаз подметил эту пропасть между соперниками:

– Кошка против карфлайта! – ругнулся он и махнул рукой, наклоняясь к соседу. – Плакала моя ставка. Я-то был уверен, что минут пять продержится, а тут...

Тем временем робот Альянса пришел в движение. Первая же его атака достигла цели – император отлетел к самому краю площадки, но сумел подняться на ноги. От следующих двух ударов, направленных в голову, Эйден чудом увернулся. Палач то ли зарычал, то ли механически затарахтел и бросился на противника всем телом, подминая жертву под себя и пытаясь добраться до горла. У андроидов ведь не так много уязвимых мест, и было очевидно, что приговоренного собираются задушить. Или вырвать трахею. Или оторвать голову. Эммерхейс возблагодарил Фярека за свой ошейник, который теперь сильно мешал сопернику. Тогда громила поменял тактику: уселся верхом на его груди и, схватив за голову, пару раз ударил ею об пол. Видимо, чтобы отключить и после добить. Эйден, обычно недовольный тем, что андроидам так сложно потерять сознание, теперь был рад этому. Отключись император сейчас, и Совет миров опять коронует, кого попало.

Он уперся ногами в живот убийцы, изо всех сил толкнул его тушу вверх, приподнимаясь и переворачиваясь вместе с ним. Эйден приземлился на палача и со всем благородством, на какое только был способен, двинул его коленом в пах. От неожиданности бульдозер наконец разжал клещи. А Эммерхейс взял обратно свои нелестные слова о местных робототехниках, которые создавали таких натуральных андроидов: надо же, им был безразличен удар по яйцам. Палач теперь довольствовался прямыми и косыми по корпусу. Было видно, что голову Эйден беречь умеет, но от остальных ударов и не думает уворачиваться.

Он кувырками уводил гибкое тело от серьезных травм, но чаще продолжал движение по направлению кулаков соперника, чтобы уменьшить силу ударов. Но все же после мощного пинка ногой под дых упал на колени. Он пару секунд, шипя на четвереньках, ловил ртом воз-

дух, а палач заносил ногу для очередного удара. К счастью, не успел в этот раз – Эйден вдруг отпрыгнул, как лихорадочный кот подскакивает на всех четырех от пылесоса, и приземлился уже на обе ноги.

Он нанес удар имперским военным ботинком (шпы и стальная окантовка!), усиляя его в перевороте, и боевой робот, покачнувшись, ненадолго отступил. Осужденный заработал короткую передышку, но только чтобы получить жесткий ответ в спину. Месть за яйца. Уже не впервые хрустнули позвонки, и дамы, как по команде, отвернулись, прикрывая рты перчатками. Эйдену доставалось по углубленной программе. Тут и там по арене катались шарики амальгамы. Редкий сплав разлетался по сторонам всякий раз, когда палач достигал цели. Серебристая кровь сопровождала бой едва слышным перезвоном. Но, как ни старался убийца, свою мелкую ставку толстяк-чиновник отыграл: прошло гораздо больше пяти минут, а император все еще был жив. Хотя уже не утирал с лица ртутных подтеков. Соперники то и дело наступали и падали на шарики. Расплющивали их, превращая в зеркальные лужицы, но те вновь собирались в крохотные сферы.

Эйден не сдавался, но и почти не наносил ударов. Его тело было расслаблено, чтобы смягчать падения и перекаты из-под руки противника. Он делал что угодно, только не боролся насмерть. И разумеется, не мог продолжать так бесконечно. Это случилось минут через семь после начала боя. Палач, обнаружив у жертвы едва затянувшийся открытый перелом ребер, мощным толчком припечатал Эйдена к стене и прижал коленом, чтобы тот не мог сопротивляться. Свободную руку он по самое запястье вогнал в рану и, сжав кулак, резко выдернул его наружу. Жертва зашлась в беззвучном крике, но его заглушил ошейник. В серебристых от чужой крови пальцах палача искрились тонкие проводки, из раны на пол рассыпались мелкие детали – миниатюрные чипы, микросхемы, осколки процессоров.

У Самины скрутило живот, а Орис вскочил и прильнул всем телом к парапету вместе с другими мужчинами. Сестра даже не попыталась осадить его на этот раз.

Внезапно Эйден, который непонятно, как еще был жив, грубо двинул робота под челюсть и вывернулся из-под него. Бульдозер попытался изобразить удар с круговым замахом, но попал себе кулаком в бедро и от неожиданной боли припал на колено. Император, не давая сопернику подняться, вспрыгнул ему на спину. И вот – вместо того, чтобы развернуться и ухватить наглеца за ногу, палач неуклюже впечатался носом в пол, в острые углы раскатившихся деталей. Это было странно: как будто робот Альянса, не получив явных повреждений, вдруг «сломался».

– Я понял! – закричал Орис на ухо сестре, толкая ее в плечо и стараясь перекрыть общий гомон. – Он проводил ложную калибровку противника, когда позволял себя бить! А теперь дерется по-настоящему, и наш уже не успевает перестроиться! Нам рассказывали о таком в академии... Ва-а-ау, это же высший класс боя!

– Ничего себе... молодец... – заворуженно признала Самина и оглянулась, не слышал ли их кто.

Меньше, чем за минуту, палач успел как следует пустить себе крови. Пытаясь достать Эйдена, он не раз промахнулся и ударил стену, пол и свое лицо. Кровь боевого робота была красной, и оттого, на человеческий взгляд, он выглядел хуже, чем соперник. Император теперь не давался так просто: метался от ударов, как мангуст от кобры. Проскочив между широко расставленными ногами палача, он зацепил и сорвал первые две-три застёжки с его комбинезона. А затем, уже сзади, высоко подпрыгнул, ухватился за ослабленный воротник и рванул вниз. Стягивая при этом верхнюю часть одежды на спину – так, чтобы робот неловко, но очень крепко застрял в рукавах своего комбинезона. По залу прокатился сдавленный хохот – в полку невольных поклонников Эйдена прибыло. Но почти сразу им стало не до смеха: император пихнул рычащего андроида ближе к стене и одним махом взлетел к нему на плечи. Громила уже

почти разорвал плотную ткань рукавов, но не успел высвободить руки – Эммерхейс оттолкнулся прямо от его головы и взмахнул еще выше.

Император уцепился в прыжке за перила стеклянного парапета – в том месте, где на него опирался Орис. Мальчик даже не успел толком сообразить – андроид протянул руку к его ногам и схватил кинжал. Самина бросилась к брату, но Эйден уже оттолкнулся от закаленного стекла и, выполнив сальто назад, вернулся на арену. В тот миг, когда он заканчивал кувырок, боевой робот, справившись с рукавами, инстинктивно бросился за ним наверх. Палач запоздал всего на секунду, и вместо ускользнувшего соперника обрушил бешеный удар на стекло. Прочное на вид ограждение не выдержало такой силы, звонко разбилось и осыпалось вниз, увлекая за собой Ориса. Юноша упал на площадку, залитую кровью и осколками, а сверху на него приземлился боевой робот.

– Остановите бой! – закричал Харген Зури и заметался в своей ложе.

Фярек со всех ног бросился к арене, снимая крименган с предохранителя. Тот запиликал, формируя заряд плазмы. Все агенты безопасности собрались у ложи советников, и капитану надо было преодолеть три этажа. Пока он бежал, Эйден стащил палача с тела юноши и оттолкнул в сторону. Оглушенный падением, а того сильнее – тушей робота – Орис лежал, медленно приходя в себя.

Боевой андроид завертелся в попытке изловчиться и перехватить у Эммерхейса кинжал. Но тот успел нанести ему несколько ощутимых ран, перекидывая лезвие из одной руки в другую. Последним штрихом стала подсечка, когда громила, падая, напоролся на острие горлом. Он уже ползал перед Эйденем на четвереньках, ожидая решающего удара, когда в спину императора уткнулся ствол крименгана, и Фярек завизжал:

– Руки вверх! Брось кинжал!

«О, да, именно в таком порядке» – император послушно, очень медленно, выполнил приказ капитана. Он поднял руки и только после этого разжал пальцы. Пока Фярек провожал взглядом летящий вниз кинжал, Эйден развернулся, вышиб из его рук крименган и одним движением свернул шею. Тело безопасника обмякло в неестественной тишине зала. Радужки убийцы мигали красным.

До этого все, похоже, забыли, что император – не-человек-с-нечеловеческими-реакциями, и он только что напомнил им об этом. Машина, оказавшись без наручников, смолола капитана за секунду. А на что он, собственно, рассчитывал? Первый советник вцепился в кресло, чтобы не дать себе вскочить снова. Мерзавца не пристрелишь из-за угла перед целой планетой свидетелей! Труп идиота Фярека лишь добавил синтетической твари популярности, и теперь охранники медлили.

Эммерхейс поднял кинжал и вернулся к роботу, который извивался и корчился в том же положении, что минуту назад. Эйден рывком перевернул его с четверенек на спину и уселся верхом, но палач вдруг раздумал сдаваться и мертвой хваткой вцепился в горло соперника. Он отрывал его от себя за ошейник, как иные воюют с бешеным псом, что класает зубами у лица. Тогда Эйден просунул лезвие кинжала под стальное кольцо повернул, игнорируя острую боль. Тонкий металл ошейника не выдержал и, наконец, лопнул. Освободившись, император сдвинул коленями голову робота и с размаху всадил кинжал ему в глаз, продавливая до самого пола. Когда палач затих, Эйден сорвал остатки треснувшего ошейника, выдернул лезвие из головы противника и поднялся на ноги. Почти конец. Робот медленно подошел к распростертому на полу Орису и лишь тогда услышал звук, с которым снимали с предохранителей штатные глоустеры. Он знал, что прямо сейчас в него не будут стрелять: если цель вдруг увернется, они заденут мальчишку. Кроме того, телетрансляция уже зафиксировала победу, и теперь уже нельзя было так просто убить триумфатора. А явного повода он пока не давал. Эйден наклонился к юноше, вытер о его парадную форму кинжал и выпрямился, глядя на помертвевшего Харгена.

– Это было превосходной идеей, убить меня. Имея столько свидетелей моей казни, Вы не сможете удержать ее в тайне от Империи. Тогда Ибрион бросит на эту войну весь флот.

Вот как! Значит, тиран перешел от оправданий к прямым угрозам. Советники готовы были выпрыгнуть из ложи.

– Чушь. Ты не заставишь нас поверить, будто все это время имперцы воюют с Альянсом не в полную мощь. – с ленцой в голосе отозвался Харген. Он не смотрел на арену. На сына. Можно было только догадываться, чего стоила ему (и стоила ли) эта демонстрация силы.

Зал снова зашептался, но притих, как только император открыл рот.

– Вы сами давно знаете, что это правда. Если нет прямой угрозы целостности Империи, флот мобилизует секторы по очереди. Впрочем, никто ведь не мешает Вам испытать судьбу. Прикажите своим роботам стрелять.

Шли секунды, но Зури хранил молчание, и Эйден продолжил.

– Я могу описать два варианта развития событий. Первый – я погибаю в плену, а Империя переключает силы с небольшого сектора на ваши основные планеты. Именно те, что составляют костяк Звездного Альянса и обеспечивают процветание Браны. И второй – вы оставляете попытки меня убить или заполучить военные технологии, и конфликт между нашими мирами останется локальным, ограниченным спорными территориями. Заметьте... я вовсе не ставлю обязательным условием свое освобождение.

– Откуда нам знать, что Империя не ударит по нашим ключевым планетам только оттого, что их правитель угодил в плен? И угодил вполне честным образом.

– Поверьте, вы бы еще утром получили сообщения о захвате всех правящих домов.

Советники дали знак председателю, и тот с трудом оторвал взор от андроида, чтобы обернуться к ним. Пока судьи напряженно совещались, император отер лицо от крови и бросил взгляд на юношу у своих ног. Копия Харгена. Сходство должно было вызвать шквал эмоций. Желание убить. Но у Эйдена не было желаний. Он устал.

– Мы подозреваем в твоих словах очередную уловку, – холодно бросил в него Зури решением совета. – Блеф, единственно ради сохранения шкуры.

– Моя жизнь значит для меня невероятно мало по сравнению с интересами Империи. Но мои подданные иного мнения. Люди, что с них взять.

– Почему б тогда было не сдаться палачу, чтобы сорвать их с цепи? К чему была эта борьба, если все так, как ты говоришь?

– Во-первых, я не хочу такой войны. С миллионами жертв, без которых можно обойтись. Во-вторых, без оглядки на интересы Империи, я все же слишком дорожу своей шкурой, чтобы скормить ее свалке сибаритов. И в-третьих, – это очень важно – я не позволю Вам решать, когда и как мне умереть. Даже если это необходимо, я не могу позволить себе недостойную и бессмысленную смерть.

Харген обдумывал его слова, но не мог отделаться от ощущения, что упускает суть.

Андроид вздохнул как-то иррационально спокойно. Напряг и снова расслабил руку, сжимающую эфес.

– Итак, у вас есть выбор и... примерно десять минут, чтобы не упустить возможность продолжить наш разговор. Уже на моих условиях.

С этими словами Эйден приставил кинжал к своей груди на ладонь ниже левой ключицы и вогнал туда лезвие. Сжав зубы, он протолкнул его на всю длину. Кончик острия вышел из-под лопатки и плеснул еще серебра на черный китель. Император медленно осел на колени, на последнем выдохе изо рта потекла струйка ртуты, остекленевший взгляд потух. Он упал на шарик амальгамы, и те звякнули в миноре.

Время текло. Первой очнулась Самина: она сбежала из ложи и бросилась на арену к брату. Орис, кажется, был в порядке, если не считать потрясения.

– Самина, отвези брата домой. – глухо приказал Харген. Он уже торопился вниз, расталкивая людей. – Охрана! Бритц, ты за Фярека! Все должны срочно покинуть зал. Здесь останутся только советники.

Через минуту, усилиями нового безопасника, на арене остались только главы правящих домов Альянса и три мертвых тела.

Советники осаждали Харгена. Осыпали его возбужденными репликами со всех сторон.

– Кто настаивал, что он блефует, а, Зури?! – первым напал блестящий диск. Свое негодование он выразил на текстовом экране, но таким шрифтом, что невозможно было истолковать эту символику иначе: советник с Роркс был взбешен.

– Мы не хотим проверять терпение Империи на прочность! – возмущалось человекообразное нечто. Это был переводчик разумного газа, и оставалось только гадать, точно ли он передал эмоции нанимателя или добавил негатива от себя.

Даже тихая прозрачная дама, сквозь которую был виден пейзаж за окном, разразилась тирадой:

– Неужели кроме оружия нам совсем нечего из него вытянуть? Пока он у нас в руках, возможно, не сразу... возможно, со временем... мы получим бесценные сведения.

Харген Зури слушал молча и невозмутимо, пока, наконец, эмоции советников не изжили себя. Когда это случилось, можно было продолжать, не опускаясь до их суетливой паники.

– Я поражен! Вы так запросто повелись на его угрозы. Мои вассалы, мои союзники – трусы?

Выступили хранившие нейтралитет советники Дома Эзеров. Пусть они прибыли с окраин Альянса – планеты энтоморфов – но в человеческом обличье больше остальных походили на Бранианцев. На это они сейчас и уповали, пытаясь достучаться до Первого советника. Но пуще – на то, что их справедливо побаивались как самую жестокую расу: насекомые чуяли адреналин даже от председателя.

– Тебе легко рубить головы, сидя здесь, в этой дыре, Харген. – свистящим полупшепотом начал один, в гневе выпуская из-за спины тонкие струйки белого дыма. Вслед за дымом с негромким хлопком развернулись крылья бабочки, перламутр которых не вязался с образом серьезного дипломата. Почтенный эзер с трудом удерживал себя от превращения целиком, чтобы вконец не растерять солидный вид. – Между тем, если Империя атакует правящие дома, в их числе пострадает и Брана! Куда вы денетесь в своей ядовитой пустыне без нашей еды, воды, одежды?

– Вы преувеличиваете мощь Импе...

– Мы воевали против Империи, Харген! Думаешь, это мы распустили на фотоны свою планету и мыкаемся по трущобам Альянса?

– К тому же, все будут вынуждены активировать защитные барьеры вокруг Домов в качестве превентивной меры. – добавил второй эзер. – И даже если вторжение не состоится, это существенно и резко сократит поставки. Как долго вашим аристократам придется заваривать по утрам биоклейстер вместо цельных злаков? И как долго они продолжат вливать инвестиции в действующую власть?

Харген презрительно скривился. Он не желал признавать вслух свою зависимость от других правящих домов. И особенно – от бранианских толстосумов. Но его молчание не умаляло правоты насекомых, и Зури взглянул на часы. Через пять минут, если не подключить императора к аппаратам, его уже будет не оживить.

– Чего ты боишься, Зури? – вкрадчиво прозвучало за его спиной. А может, в голове?

Страхивая наваждение, Первый советник шагнул к выходу из зала. Он так долго мечтал покончить с имперской занозой. Но сейчас, широко распахнув двери, Харген крикнул в коридор:

– Робомедиков сюда! Живо!

* * *

Служебный карфлайт уносил Самину и Ориса прочь от суда. Брат пришел в себя и теперь возбужденно делился пережитым на арене. Правда, делиться ему было особо нечем – большую часть времени он провел там в полуобмороке. Самина, которая держала себя в руках на арене, теперь впервые за много лет плакала. Да что там, откровенно по-девичьи ревела. Вся ее напускная вредность, отшлифованная годами вынужденного родства, слетела в тот миг, когда палач выбросил Ориса на арену. А когда увидела, что император подходит к брату с кинжалом, едва не сошла с ума.

Но тиран и деспот не тронул юношу, хотя мог взять в заложники, мог просто убить из мести. Сходство Ориса и Харгена было настолько очевидным, что сомнения в их родстве возникли бы только у слепого. Жестокий убийца, обвиненный в тяжких преступлениях, не воспользовался шансом прикончить сына давнего врага. Хотя этот шанс свалился ему прямо в руки.

– И знаешь, сколько я поднял на этой казни? Хватит на целый звездолет! Ну, конечно, не прямо на целый, а на камбуз точно.

– На галюн тебе хватит... – по привычке остро, но беззлобно пробормотала Самина и спохватилась, – Так ты что, тоже ставку делал?!

Орис посмотрел на нее, как на дурочку. Из-за этого взгляда она лупила его в детстве, ох, как лупила.

– Естественно! Не от своего имени, конечно.

– Но как ты мог выиграть, ты же... Ты что, поставил на то, что император продержится так долго?

– Ну, ты и глупая. – протянул брат. – Бери выше: я поставил на то, что он навалит палачу!

Самина закрыла глаза и попыталась осмыслить услышанное. Ее брат, надежда отца, будущий правитель Альянса, с самого начала болел за императора?

– Орис, но ведь это какой-то абсурд...

– Абсурд – это твой цвет волос. Самина, ты думаешь, я один такой? Думаешь, это я придумал на него поставить?

– А кто еще?

Девушке с трудом верилось, что кто-то в здравом уме мог допустить настолько ультра-левые мысли.

– Да почти все преподаватели академии! Ветераны, которые воевали против имперцев. Они с обеда только и твердили по всем углам, что ставить надо на Эммерхейса и как он крут. Нас таких несколько тысяч, иначе б я и впрямь мог купить звездолет на свой выигрыш!

Орис задорно рассмеялся, будто и не лежал только что на эшафоте, на волоске от гибели. Самина в порыве волнения и заботы поправила его смятый воротник.

– Надо бы мне почаще вылезать из своей лаборатории. Хоть внешним миром поинтересоваться для разнообразия. Чтобы ты не смотрел на меня больше, как... на идиотку.

– Да уж. Или парнями... Для разнообразия. А то злая, как крапива.

Девушка хмыкнула в ответ. Обсуждать своих мужчин с братом она сочла неуместным.

– Интересно, сохранят ему жизнь?

– Кому, императору-то? Не знаю... Я бы сохранил. Страшно, если Империя и правда нападёт всем скопом. Придется жрать синтетику.

– Ладно. Приехали. Сейчас мама-то на тебя набросится. Видела, наверное, в прямом эфире твой дебют. Крепись.

И они вышли из карфлайта, держась за руки. Как в детстве.

– Если честно, – шепнул на ходу Орис, которого не оставляли впечатления, – я сперва даже подумал, что он человек. Пока ртуть и шестеренки не полетели. Но и робот из него тоже какой-то ненормальный.

Глава 8 – в которой андроид губит лучших из лучших. И судьбу лучшего друга

Зона боевых действий черт знает, где

Год 1700 от основания Империи Авир.

За 300 лет до основных событий.

– Ты ненормальный! – Джур психовал, и его гнев наполнялся короткими и честными фразами. – Придурок, псих... Ты должен сесть в шлюпку вместо кого-то из них. Это долбаный приказ!

– Ты не можешь приказывать мне, пока мы в космосе. Здесь я выше тебя по долбанному званию.

– Высокопоставленный придурок!

Коммандер риз Авир кипятился с тех пор, как Эйден принял решение взять на борт их флагмана две семьи с Гамаруса. Их планета несколько дней назад была уничтожена, и теперь от многомиллионного населения осталось двенадцать ярких, пушистых человечков. Счастливики успели в последний момент выйти на орбиту, где их подобрал имперский военный корабль. Полутораметровые гуманоиды сиротливо затаили хвосты в каюте Джура. Герцог в ответ затаил обиду. «Кто виноват, что твое “выскочество” занимает самое большое помещение, хотя адмирал вообще-то я?» – пожал плечами андроид.

Стараясь нагнать флотилию, команда флагмана срезала путь по боевой зоне. Слишком поздно Эйден понял, что это было ошибкой. Они пролетали недалеко от планеты Золлар – огромного кремниевого гиганта – когда на корабль вдруг напали. Из долгой схватки с линкорами эзеров имперцы, сверхчеловеческими усилиями команды, вышли победителями. Но флагман тяжело пострадал, и о продолжении пути не могло быть и речи. Отказала половина двигателей, началась разгерметизация. Корабль был готов развалиться на части прямо в космосе.

Они отправили сигнал бедствия в союзным войскам, и те откликнулись, но оказалось, что именно в их сектор могли добраться только через сутки. А жизни кораблю оставалось не больше трех часов. Надо было пересаживаться в шлюпки, запас кислорода в которых был рассчитан на три дня, и ожидать спасения в них.

Вот тут-то на команду и обрушилась вся катастрофа. На корабле было десять членов экипажа и дюжина спасенных с Гамаруса. А шлюпок всего три: две по пять мест и одна совсем маленькая, подсобная – с кислородом и единственным местом для пилота. Эйден решил поместить в шлюпки хвостатых и Джура, а самому с командой дотянуть до Золлара, подлататься, взлететь и ждать эвакуации на орбите. Никто из союзников в здравом уме не стал бы сажать корабль на планету. Ниже сотни миль над поверхностью гуляли бури и штормы убийственного масштаба. Это был ад в самой натуральной ипостаси, поэтому в глубине души Эйден разделял истерику герцога. Но выбора – так решил он, и в этом поддержала его команда, – у них не было.

– Ты погубишь в этой преисподней лучший экипаж флота, – Джур распалялся все больше от того, насколько безэмоционально держался адмирал. Одной рукой тот водил по бортовым сенсорам, другой настраивал свой мобильный комм, а слова друга пропускал мимо ушей.

– Коммандер, мы ведь солдаты и знали, на что шли... – запыхался взъерошенный лейтенант, пробегая мимо, в уже наполовину застегнутом скафандре и с ящиком провизии в руках.

– Еще один моралист на мою голову! Что за сраная команда у тебя? Ты отвратительно влияешь на людей! Дредноут мне в зад, Эйден, если хоть раз еще полечу с тобой на переговоры на одном корабле.

– Джур, если ты можешь предложить лучший план, я весь внимание. – в своей обычной ленивой манере, которая бесила суетливого герцога, произнес Эммерхейс. – Если нет – не сотрясай воздух, его здесь и так уже мало.

Он метнулся к шлюпке, чтобы помочь неуклюжему Гамарусцу пристегнуться. Вокруг мигали аварийные огни, нервируя хвостатых сверх меры, и те впадали в ступор от страха. Джур сплюнул на пол.

– Но...rrrr!...эххх!..

– Вот. Ты и на переговорах звучал неубедительно.

В моменты крайней опасности поведение Эйдена становилось невыносимо железобетонным. Андроид пропустил вперед спешащих к верхней палубе офицеров и теперь со скоростью света программировал шлюпки на вылет. Герцог боролся с предсмертными воплями системы жизнеобеспечения:

– Я все понимаю, Эйден, но это просто очередная твоя попытка самоубийства. Это все Гervин...

– Не трогай Гervина.

– ...старый дурак вечно тобой недоволен, вот ты и лезешь из кожи вон, чтоб он прозрел, наконец!

Мимо промчались еще люди, на ходу запрыгивая в скафандры. Кислород медленно, но верно утекал в космос.

– Разгерметизация сорок процентов, адмирал Эммерхейс! – бросил на ходу молоденький энсин. Андроид машинально кивнул и вернулся к разговору.

– Простая арифметика, Джур: если я сяду там с Гамарусцами, погибнут все двенадцать. Если со своей командой – не больше восьми.

– Шутишь?

– Не совсем, но суть ты уловил.

Оба уже дышали с трудом, и все же герцог не оставлял попыток вразумить друга.

– Я сяду с этими, я сяду с теми... – передразнил он и ткнул пальцем в андроида. – на кой [пийип] тебе самому-то туда лезть? Ты ведь и в открытом космосе можешь переждать эти сутки. Уйдешь в анабиоз и...

– На твоих способностях к рассуждению, видимо, сказывается гипоксия. Ты подумал, как они будут приземляться без сознания? У нас не работает ни одна биосистема и расплавились планетарные двигатели. Через полчаса мне придется сажать восемь овощей.

– Я пытаюсь донести до твоей дурной башки, что иногда просто необходимо кем-то жертвовать. Есть ситуации, когда невозможно спасти всех! – По напряженному лицу и спине герцога струился пот, глаза слезились. – Ты меня слушаешь вообще?!

Эйден окатил друга холодным взглядом, к которому тот так и не привык за два с лишним столетия.

– Я. Тебя. Слышу. Джур, у нас с тобой диаметрально противоположный взгляд на то, кого надо спасать. В первую очередь я забочусь гражданских. И уже потом – о тех восьмерых, кому повезет не хлебнуть сполна той судьбы, которую они выбрали себе. Сами выбрали.

Джур почувствовал, что сдается перед такими аргументами. В самом деле, куда ему до логики квантового мозга. За последние сто лет герцог и сам был под завязку напичкан синтетикой, но в душе остался человеком. С теми же страхами и прежними слабостями. И хотя ему не доставало той силы воли, что восхищала его в Эммерхейсе, он не мог не признать сейчас его правоту.

– Постой, а почему восьмерых, ты сказал? – уже совсем вяло спросил он. – А себя ты в расчет не берешь?

– Я не имею значения.

– Чего, мля?! Решил в робота поиграть?

– Тем более весь этот полет через зону боевых действий – полностью моя вина. Всё, Джур, ты уже синий весь, бегом в капсулу.

Герцог собирался лететь в шлюпке, предназначенной для кислорода. Лишний газ был не нужен тем, кто готовился ожидать корабля союзников в космосе, и команда Эйдена перенесла все запасы на флагман, чтобы использовать его на Золларе. Таким образом, в маленькой шлюпке хватило места еще для двух гамарусцев. Джур побрел к капсуле, но на середине пути вдруг схватился за скафандр.

– Тогда я остаюсь с вами.

Эйден спорить не стал. Он молча вернулся к командеру, проворно сдал ему плечо в нужном месте и артерию чуть выше. После чего подхватил обмякшее тело герцога и забросил в капсулу, в компанию к двум ошарашенным соседям. Как только клинкет шлюпки закрылся, Джур пришел в себя и подскочил к иллюминатору. Эйден готовил капсулы к отстыковке, передвигаясь от одного компьютера к другому. Команда уже собралась на мостике: до отлета к Золлару оставалось меньше двух минут.

– Ты вообще в курсе, что это больно?! – из слабого динамика шлюпки голос Джура звучал глухо, но агрессивно.

– Так и задумано: от болевого шока мозг нормального здорового идиота отключается.

– Если не выпустишь, я тебе больше не друг!

– А если не перестанешь ломать клинкет, я скажу капитану Проци, что ты шпилишь его дочь на каждом рауте.

– А ты скажи, скажи! Только сначала вернись оттуда!

– Да только ради этого и стоит выжить. Пристегнись, [пииип], я запускаю!

– Мудак изумрудный... – забормотал Джур, обреченно падая в кресло. – Зачем я подписал тогда за Гервина твою аттестацию...

Спустя миг три спасательные капсулы вышли в открытый космос. Корабль взял курс на Золлар.

* * *

Имперский звездолет, прибыв на помощь, вот уже сутки висел на орбите Золлара в ожидании чуда. Джур, едва сойдя с корабля союзников, миновал штаб, явился к капитану Проци и крайне ультимативно заявил, что летит с ним. На этот раз он не опасался грязного приемчика с защемлением артерий.

Наконец команда Эммерхейса колоссальным усилием двигателей вывела корабль на орбиту Золлара. Вурис Проци схватил комм:

– Звездолет ZAR-34 вызывает борт ZFR-03! Есть кто живой?

– Флагман ZFR-03 на связи, готовы к эвакуации. – ровный голос Эйдена был замогильнее обычного. – Только не вздумайте стыковаться, мы тут на одной матершине зависли.

– Мы придем две шлюпки, адмирал.

– Одну.

Вурис быстро махнул помощникам, отдавая приказ выпускать капсулу.

– Эйд... Сколько?.. – комм у капитана выхватил нетерпеливый Джур.

– Четверо.

– Эйд. Вы молодцы.

– Угу. Потери со стороны Гамаруса?

– Все в порядке, все живы. Забрали нас, как по часам.

– Ясно. Конец связи.

Через полчаса экипаж флагмана взошел на борт звездолета капитана Проци. Четверо едва живых людей отправились в медблок, а слегка потрепанный андроид – в душ. Перед этим

ему пришлось отбиваться от друга, который вот уже несколько минут являл собой высокопрочный сплав восторга и сентиментальности.

– Это же невероятно, Эйд, что вы вернулись впятером!

– Просто счастливики.

– Спасли Гамарусцев, вернули флагман, выбрались из преисподней! Эйден, да прояви же хоть каплю... чего угодно!

– Джур... Джур! Перестань меня трогать и, о боже, держи свой рот подальше от моего лица. Я же весь в радиоактивной пыли, в ракетном топливе и еще не пойми, в чем.

– Бесчувственная ты митохондрия, Эмми... – беззлобно пропустил его в каюту друг.

Минуту андроид просто стоял один, не смея пошевелиться, и впитывал спасительную тишину.

Приняв обычный ионный душ, Эйден переключил его в режим тропического дождя. Он подставил лицо и плечи под зеленоватые от подсветки, тяжелые капли и ощутил, как слабеют тиски самоконтроля, в которые он зажимал себя больше двухсот лет. Почему так долго? Наверное, потому что мог. Потому что ему это давалось куда легче, чем живым. Зачем? Но ведь это так эффективно: железная логика, холодный расчет, пугающая целеустремленность. Этого от него ждал Гервин. Вечно осторожный, вечно подозрительный к малейшим проявлениям «чего угодно», как выразился Джур. Профессор был для Эйдена непререкаемым авторитетом и даже отцом, а Эйден для него – темной лошадкой, бомбой замедленного действия. Все эти годы ученый просыпался среди ночи с мыслями, что же будет, если вдруг его андроид научится чувствовать, откроет ящик Пандоры, полный эмоций? Для Гервина ответ был очевиден: катастрофа.

Герцог не впервые назвал друга бесчувственным, и Эйдена это ничуть не задевало. Более того, его удовлетворяла такая характеристика. Андроиды не знали счастья и любви, но и не страдали от горя, тоски, разочарования. Так, по крайней мере, говорилось в учебниках. Не в силах выйти из-под дождя, адмирал провел рукой по волосам, с которых бежала хрустальная вода. Гервину не о чем беспокоиться. Он ведь сразу решил, что не будет даже пытаться стать человеком. И сейчас, прислонясь к стене и опустив голову под теплые струи, Эйден упорно избавлялся от ощутимой физической боли, которую приносили с собою воспоминания.

Четыре офицера погибли на Золларе. Вызывать в памяти их имена теперь было невыносимо, как если бы он касался острого лезвия израненным языком.

Ут Арукпоу, – энсин, для которого это был первый полет на флагмане, – не пережил жесткого приземления. Ремни безопасности и кресло с новейшими амортизаторами не спасли его от перелома шеи и кровоизлияния в мозг. Пока остальные еще были в отключке, Эйден рванул в медотсек, но оказалось, что тот блок безнадежно разбит. Он не смог помочь энсину.

Лейтенант Шай погиб в диком шторме, пытаясь снаружи прорваться к заклинившим турбинам в паре с Эйдемом. Сумасшедшая буря, полная осколков кремния, нагнала их на обратном пути к шлюзу и не оставила шансов человеку. То, что товарищи смогли выскрести из остатков его скафандра, с трудом поддавалось идентификации. Андроида тоже потрепало, но он хотя бы мог задерживать дыхание в ядовитых вихрях, а его тело быстро себя излечивало.

На этот раз Шая действительно ждала домой девушка.

Затем потеряли механика Лога Оуча. Во мгле урагана он не успел вовремя отойти от внезапно ожившего двигателя. Огромная турбина отбросила его к краю скалистого обрыва. На глазах у команды Лог сорвался в ущелье, увлекая за собой пыльные глыбы. В течение мучительно долгих минут Эйден решал, стоит ли кому-то спускаться за телом Оуча в густой туман, и был вынужден признать идею гибельной даже для себя.

Последним был Хелия, бортинженер с Артарей. Он получил чудовищные ожоги ядерным топливом, когда латал систему запуска планетарных двигателей. Именно ему в итоге команда была обязана выходом на орбиту и спасением.

А теперь на выживших смотрели, как на героев. Они стали первым экипажем, сумевшим подняться с Золлара, потеряв всего четырех человек. Эйдена душил такой взгляд на трагедию. Какого дьявола, да он же разом угробил половину своей команды. Лучшую половину лучшей команды флота. Хуже всего было то, что никто из них, до самого конца, так и не признал вины адмирала за полет в зоне риска. И теперь он прятался в этом душе от восторженных офицеров, что ловили его взгляд на каждом углу.

Прежде, чем мысль, что хорошо бы вместо тропического дождя пустить серную кислоту, успела оформиться, Эйден отключил воду. Он тряхнул головой, посылая мириады брызг вокруг себя и внутренне собираясь. Из душа выходил уже почти правильный, почти нормальный андроид.

По пути на мостик его нагнал Джур.

– Вот, – торжественно вручил он Эйдену карточку из прозрачного кристаллита. – Это чтоб ты не заикался больше, что не имеешь значения.

Адмирал, помедлив, протянул руку и взял карточку. Так осторожно, будто это был скорпион.

– Это то, о чем я думаю?

– Я бы не решился поставить и разбитого нейтрино на то, о чем ты думаешь. Это твой новый статус. Лицензия синтетика, Эйд.

Андроид уставился на карту остекленевшим взглядом. Это было странно, потому как роботам было глубоко безразлично, если кто-то наверху приказывал отныне считать их людьми. Джур щелкнул пальцами у лица адмирала:

– Эй, парень, в упаковке из-под тебя была инструкция, где производитель клялся, что ты не будешь вот так зависать. Смотри-ка, Его Величество лично подписал бумаги о присвоении статуса. Как-никак, самый молодой андроид, признанный человеком.

– Самому молодому было двести два, а мне уже... – машинально поправил Эйден и вдруг осекся, широко распахивая глаза. – Джур риз Авир, дата на статусе верна? Эта карта была выписана тридцать лет назад?

Довольный первым в жизни друга внешним проявлением замешательства, герцог ухмыльнулся:

– Все ждал повода, чтобы отдать. Какой-нибудь настоящей передрыги. Чтоб порадовать, когда выберешься.

– Ясно, – легко отозвался андроид, возвращаясь к своей привычной манере общения. – А Гервин знал?

– Эм-м... нет.

– Не говори ему.

«Вот оно что», – подумал Джур. – «Да нет... Да не может такого быть! Он боится статуса человека, потому что это напугает мрачного папашу?»

Тем временем они ступили на мостик, и Эйден обернулся к другу.

– Значит, теперь ты не можешь безнаказанно убить меня?

– Да уж, надо было раньше озаботиться... А это ты о чем? – в голове у Джура зашуршали подозрения.

– Капитан Проци, можно Вас на пару слов? – позвал Эйден.

Герцог схватил его за рукав и зашипел:

– Эйден, ты ведь не посмеешь... Он же старше меня по званию!..

Андроид вдруг, ранее несвойственным для него жестом, положил руку на плечо Джура.

– Ну что ты, друг. Я не скажу, что его дочь спит с кутилой-старпомом – повесой и развратным забулдыгой. – с сардонической ухмылкой шепнул он и громко обратился к Вурису. – Капитан, я слышал, Ваша милая Ашвиль получила на днях предложение руки и сердца от

самого герцога! Право же, Его Светлости надо было остепениться еще лет... тридцать назад. Но очевидно, только сейчас он получил то, что заслуживал. Правда, командер?

– Так точно, адмирал, – отозвался Джур, не разжимая челюстей.

Глава 9 – в которой мыши задаром съели научный грант, но их всё равно жаль

Мышей в лаборатории было чересчур много. Просто колоссальное количество: в белоснежном месиве тут и там мелькали подвижные розовые хвосты. Сугробы мышей – здоровых, больных и контрольных. Теперь Самина бродила посреди этого великолепия в растерянности. Клятва, данная на берегу в порыве поторговаться с судьбой, настойчиво билась в голову и требовала мышей освободить. А члены семьи Зури взяли за правило исполнять клятвы.

Абсурдностью эта ситуация могла потягаться только со вторым пунктом расплаты за сохраненную жизнь – поцеловать того капрала-андроида, что вызвал к ней помощь. Вывезти оставшихся в живых грызунов за город и выпустить в лесу, а после заказать себе новый экспериментальный материал казалось делом выполнимым. Но целовать прохладную синтетическую щеку андроида – святые плазмиды, ведь потом все узнают, все! – это ведь сущее наказание. Хотя может статься, они и не встретятся никогда лично. Было бы здорово.

А сейчас надо было срочно разобраться с мышами, которых она заразила уроборосом еще до полета.

Порывшись в карманах форменного медицинского комбинезона, Самина достала биоскоп и направилась к первому террариуму. В нем сидели зараженные звери, а на панели рядом светилась надпись «7 дней». Мыши нервничали и чесались. Девушка направила биоскоп на одно из животных, и на кончике инструмента вырос прозрачный шар, похожий на мыльный пузырь. Как только его внешняя оболочка коснулась мыши, та оказалась захваченной внутрь и поплыла к биологу вместе со сферой. Она попискивала от волнения. Самина вывела шар из террариума наружу и легонько подтолкнула к дневному свету. Пузырь завис в воздухе, мышь в последний раз взвизгнула и успокоилась. Только все так же почесывалась.

Самина переключила биоскоп и снова направила его на сферу. Та начала расширяться, создавая иллюзию увеличения мыши. Вскоре габариты в добрый десяток раз превосходили исходные, и изображение переключилось в режим объемного ультразвука. Картинка при этом стала цветной, а гигантская мышь – полупрозрачной. Вялые движения ее лап светились оттенками от белого – там, где были кости и хрящи, – до темно-розового: это были мышцы и потоки крови в тонких венах. Биолог сосредоточила взгляд на кончиках лап. Там, на порядок увеличенные, копошились веретенообразные тельца паразитов. Это были еще совсем юные черви, только-только вошедшие во вторую личиночную фазу. Но они уже беспокоили животное, цепляясь к нервным волокнам. Мышей терзали болезненный зуд в лапках, онемение и жжение. И для болезни под названием «уроборос» эти симптомы были только цветочками.

Следов лекарственного препарата не было, словно биолог и не вводила его три дня назад. Черви поглотили его вместе с другими питательными веществами из крови животного, разложили и вышвырнули вон из организма. Очередной эксперимент с воздействием на ДНК червя провалился. Уроборос так быстро перестраивал свои гены, нарываясь на опасные вещества, что погибала едва ли десятая часть особей. И свойством этим обладали все черви, начиная со стадии яйца. Лекарства, выведенные за все то время, пока человек знал болезнь, имели гораздо больше шансов убить пациента, чем паразита.

Самина отключила иллюзию, вернула животное на место и подошла к другому террариуму. «14 дней» – гласила надпись на нем. Здесь животные страдали действительно тяжело. Они крутились, пищали и валялись на спинку. Самине потребовалось несколько лет таких вот экспериментов, чтобы научиться не покидать лабораторию в слезах. В конце концов она, как всякий биолог, уговорила себя, что эти эксперименты необходимы. Все жестоко, но по-чест-

ному: люди тоже болели и хотели жить. Мыши погибали не зря, ведь в последние десятилетия болезнь приняла статус пандемии.

Мышь из второго террариума так бешено крутилась, что пришлось усыпить ее, чтобы она не прорвала сферу биоскопа. При увеличении зверька девушка обнаружила длинные и гораздо более плотные ленты червей. Они кусали нервные волокна, как гусеница – лист смородины. На протяжении недели зараженный – будь то мышь или человек – сперва чувствовал непереносимую боль и жжение в руках или ногах, а затем, когда нервы были съедены до конца, терял в них чувствительность. Отклика на экспериментальные лекарства Самина не обнаружила и здесь. Их будто метлой вымели.

Взгляд на последний террариум отбил желание направлять туда биоскоп. Это были мыши, черви-паразиты в которых перебрались из конечностей в кишечник и отложили миллионы личинок. И тут становилось понятно, отчего болезнь носила имя легендарного змея, кусающего себя за хвост. На этой стадии зараженные испытывали непреодолимое желание поедать свою плоть. Они грызли собственные лапы, лишённые нервных окончаний, чтобы прокормить этим мясом личинки червя. Личинки уробороса питались телом зараженного, переваренного им самим. О, да – на деле это выглядело еще ужаснее, чем прозвучало у вас в голове.

Самина поборола себя, вытащила из последнего зараженного бокса мышь и, не увеличивая, ввела в комм запрос на анализ. Животное остервенело пожирало свой хвост. А в анализе на препарат был статистический шиш.

Чтобы избавиться от гнетущих видений, которые рисковали преследовать ее до самого вечера, Самина направилась к отсеку здоровых животных и выудила за хвост одну из мышей. Посадила к себе на ладонь и осторожно погладила крохотные прозрачные ушки. Нет, если утром она еще раздумывала над решением заменить их на тараканов, то сейчас мысль об этом приносила облегчение. Биолог достала из потайного кармашка шарик мясного корма и угостила грызуна. Строго говоря, на Бране не было ни грызунов, ни травоядных – абсолютно все животные давно стали хищниками. Но историческая классификация сохранилась, чтобы избежать путаницы.

Наблюдать за контрольным зверьком, спокойным и здоровым, с гладким мехом и отменным аппетитом к нормальной пище, было забавно. Но мелькнуло видение огромного, увеличенного с помощью биоскопа таракана. Фу. Биолог поняла, что с энтомофобией ей придется несладко, и застонала вслух.

– Это ты обо мне думаешь, Сэм? – раздалось над ухом, и знакомая рука в синем комбинезоне подкралась из-за ее спины, чтобы скользнуть под воротник – в попытке добраться до...

– Черт! – Самина подскочила, а мышь вывернулась из ее ладоней и дала деру в сторону открытой двери. – Бензер, какого... Ты опять не закрыл дверь!

Она вскочила и махнула роботу-ассистенту. Тот ринулся в погоню, и ученые остались наедине. Девушка смотрела куда угодно, только не в глаза мужчине. Она стыдилась того, что в эту минуту была не рада обществу... кого бы то ни было, кроме мышей.

– Бензер, ты знаешь правила! Здесь же кругом зараза! – Самина чувствовала себя ханжой, ведь держать мышь голыми руками тоже запрещалось. Но она слишком долго мечтала накричать на одного конкретного человека, и теперь сделала это с постыдным удовольствием маньяка-убийцы, всадившего нож в блудницу. В своем воображении она вкушала неловкие объяснения, и соусом к ним был виноватый взгляд. Но раз уж день задался с неоправданных ожиданий, логично, что и дальше все пошло вразрез с меню.

– Сэм, кажется, у нас уже был разговор по поводу того, чтоб ты не повышала на меня голос, – едкий укор подкрепил гарнир из поджатых губ. – Я скучал. Между прочим. Почему ты не заглянула ко мне утром, как всегда?

Биолог скрестила руки на груди. И тут ей начало казаться, что за последние полгода она с завидной регулярностью (примерно каждое третье свидание с этим красавчиком) находила свои руки скрещенными на груди, а рот исторгающим яд. Сегодня она решила быть краткой:

– Почему ты не пришел ко мне в больницу?

Бензер закатил глаза.

– Пф-ф, не будь ребенком, ты пробыла там всего четыре часа! Твой комм не отвечал. Я позвонил Сиби и узнал, что у тебя ерундовый перелом голени. И рассчитывал увидеться с тобой сегодня на работе. – мужчина взял Самину за руки и обвил ими свою шею в знак примирения. Бранианец с достатком и блестящим образованием, Бензер Бюрлен-Дукк был весьма привлекательным высоким блондином. Самина втайне гордилась тем, что он не следовал модным капризам и не красил пепельные волосы, – Знаешь, Сэм, вот ты ждешь от меня романтики. Но ты не понимаешь, что красивые жесты требуют средств? Это немалые деньги, которые мне приходится зарабатывать ежедневным трудом. И у многих он состоит не из возни с мышами, а...

– Ясно.

– ...не перебивай меня. Так вот. Имперцы с прошлой ночи подтягивают силы к границам спорного сектора. И вчера, пока ты дулась на меня в больнице, мы всем отделом в бешеном ритме программировали андроидов на боевые вылеты. Если мы потеряем созвездие Кармин, мне – как главе кибернетического отдела – несдобровать. Это тебе, знаешь ли, не медицинские гранты попусту тратить.

– О, ясно.

Девушка сделала попытку оттолкнуть Бензера, но мужчина рассмеялся и снова привлек ее к себе.

– Ну, что опять? Ты лепишь проблему из пустого. Ну, хорошо же, прости меня, прости, прости! – он захватил ее лицо в ладони и поцеловал, но Самина ответила довольно вяло, намекая, что задета сильнее, чем предполагал кибернетик. Бензер мягко клюнул упрямыцу в щеку и принялся теревить застёжки ее комбинезона. – Конечно, твоя работа с этими... тоже очень важна, Сэм. Да что за кнопки на вашей униформе?

– По твоему, мне следует надевать в лабораторию пеньюар?

Кончики пальцев Бензера выводили замысловатые узоры на ключицах девушки, но кровь в ее висках стучала не от возбуждения. Уж не подхватила ли она бешенство от грызунов?

– Я бы надевал на тебя и намордник, милая, чтобы ты научилась уважать своего мужчину. Все-таки я вдвое тебя старше.

– Ясно! И вдвое красивее. Ладно, господин глава отдела, возвращайся к работе, мне тут надо срочно пустить на ветер еще пару грантов.

– Глупышка моя, – Бензер смягчил тон. – Если ты рассчитывала выяснять отношения здесь, среди этих вот пожирающих себя грызунов, поспешу тебя огорчить. Эй, что такое?

Его отвлек ассистент Самины – андроид с беглой мышью в ладонях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.